

Анна Либичина

До Реми:
Спящая Искра

18+

Анна Ливнина

До Реми: Спящая Искра

«Автор»

2026

Ливнина А.

До Реми: Спящая Искра / А. Ливнина — «Автор», 2026

Чтобы блистать на сцене Королевского Балета, недостаточно таланта. Нужна Искра — магическая сила, при помощи которой творческая персона погружает зрителя в иллюзорный мир произведения искусства. У ученицы провинциальной балетной школы Полин Шеро Искра слабая. Как еле тлеющий уголек. Но волей судьбы девушка оказывается в одном из самых престижных театров Мирража, где ее ждут изнуряющие репетиции, закулисные интриги и ненависть попечительского сынка, заносчивого маркиза Реми де Бомона. А может, и не ненависть? Обложка создана автором при помощи искусственного интеллекта.

© Ливнина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	48
Глава 16	52
Глава 17	55
Глава 18	58
Глава 19	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Ливнина

До Реми: Спящая Искра

Глава 1

— Приехали! — раздался восторженный девичий голосок, и все обитательницы комнаты номер 6 пансиона при балетной школе ринулись к окнам. Еще бы — не каждый день их радуют своим визитом особы герцогской крови. А точнее, за всю историю существования заведения ни один столь же благородный гость не ступал на его порог.

Полин, которая на своем стремительном пути к одному из подоконников умудрилась удариться коленом о соседскую койку и даже не заметила вспышки боли, теперь тщетно пыталась хоть как-то протиснуться к стеклу — однокашницы прилипли к нему намертво. Они вглядывались в ночь, приставив к стеклу ладони по обе стороны лица или же надо лбом, на манер козырька, — чтобы хоть что-нибудь разглядеть при свете полной луны, — и взбудораженно перешептывались:

— Ничего себе у него плечи!

— А походка-то, походка! Прямо хозяйская такая!

— Ой, а кто это с ним?

— Шут его знает! Может, еще какой-то герцог за компанию приехал?

— Кажется, этот второй молоденький совсем!

— Ох, я бы с ним не отказалась, так сказать, прогуляться по амбарам...

— Сейчас я вам всем прогуляюсь по амбарам! А ну марш в постели! Быстро! — вдруг прозвучал голос пожилой Лианы, ожидаемо прибежавшей утихомиривать расшебетавшихся среди ночи девиц. Те не шибко-то слушались добродушную воспитательницу, которую за спиной ласково называли Пухлианой. Они с удовольствием проигнорировали бы требование женщины, но в окна отразилось пламя ее масляной лампы. Это окончательно превратило окна в черные зеркала, в которых девицы видели лишь собственные возбужденные лица. И девушки нехотя разбрелись по койкам.

— И чтоб ни звука мне! — приказала воспитательница, убедившись, что все улеглись и послушно укрылись до подбородков кусачими казенными одеялами. Смотрительница порядка собралась было уходить, когда хохотушка Фифи решила высказать претензию нарочито обиженным тоном:

— Зря ты так, Лиана, вот влюбится в меня герцог, сделает своей женой, я тебе потом все-все припомню!

— Ты это брось! Держаться подальше надо от этих герцогов окаянных, они таких, как вы, на ужин едят и не давятся! Ох, чует мое сердце, не с добром приехали Ох, не с добром — и сердобольная Лиана будто перекатилась за порог, попутно закрыв за собой дверь. Но еще несколько секунд слышались ее тихие причитания о «бедных глупых овечках в волчьей пасти» и отдаляющиеся шаги. А потом в комнате стало тихо.

Полин так и не довелось разглядеть дорогих гостей, но особого сожаления по этому поводу она не испытывала, ведь такая возможность представится ей завтра. И наконец вспомнила об ушибленном колене — оно разнылось.

«Надеюсь, завтра проблем с ним не будет. Хотя все равно никого не выберут, среди нас нет сильной Искры. Только нервы директриса всем вытрепала, пока готовила школу к визиту комиссии из Королевского Балета. А как выяснилось, что приедет еще и его попечитель, герцог де Бомон, так и вообще с катушек сорвалась. А толку?» — думала девушка. Тут голодный живот предательски заурчал, и мысли Полин устремились совсем в другую сторону: «Ско-

рее бы уснуть, а там будет завтрак! Конечно, хотелось бы не пресную овсянку на воде, а как в детстве — с ложкой сахара и здоровым таким шматом масла, которое мгновенно тает и нежно обволакивает каждую крупинку, когда начинаешь перемешивать содержимое тарелки. Еще мягкую булочку в придачу хорошо было бы. Сладкая сливочная каша и ароматная сдоба — умопомрачительное сочетание...» Но, как это обычно бывает при сильном желании уснуть поскорее, сон долго еще не шел к Полин.

Не до сна было и мадам Бекю. Когда наконец высокородные гости прибыли, директриса проводила их в наскоро обустроенные покои на верхнем этаже — когда-то там жили преподаватели, еще не успевшие обзавестись собственными домами. И только после этого женщина смогла уйти в учебный кампус. В тишине своего кабинета она собиралась принять ложку успокоительной настойки, — усмирить расшалившиеся нервы, — и попытаться отдохнуть в громоздком кресле до рассвета. Суэта последних четырех недель знатно вымотала мадам Бекю, но наряду с усталостью она ощущала еще одно некое неприятное чувство где-то в самом центре грудной клетки, которое, судя по всему, давило на легкие, раз стало сложнее дышать. То было чувство жгучей досады. Да, досады. Несправедливости.

Это чувство зародилось в тот самый день, когда секретарь принесла мадам Бекю почту, и среди привычных счетов она вдруг обнаружила нечто крайне неожиданное: письмо с печатью Королевского Балета. И разрывая дрожащими пальцами бумагу конверта, женщина надеялась увидеть сообщение, что 20 лет назад произошла чудовищная ошибка и что ее все же берут в труппу. В то же время женщина осознавала всю иррациональность своего желания: годы хоть и не сказались на ее стати, но определенно лишили тело былой мощи и красоты. И когда директриса прочла, что комиссия самого величественного театра с вековой историей сама снизойдет до вояжа по провинциальным балетным школам в поисках молодых дарований среди слабо искрящихся, она чуть не разрыдалась. Это означало одно: Королевский Балет наконец-то решил сделать ставку на трудолюбивых танцовщиков с отточенным мастерством, а не на дары Мирра, который, судя по всему, утратил былую щедрость. Жаль, что это произошло лишь тогда, когда ее лучшие годы остались позади.

А потом подготовка к приему комиссии настолько поглотила мадам Бекю, что она и думать забыла о несбывшихся мечтах юности. И лишь в редкие минуты женщина ловила себя на мысли, что чувствует себя униженной воспитанницами: они будто хлестали ее по щекам своей почти осязаемой жизненной энергией, снова и снова беззвучно дразнили привилегиями молодости. В такие моменты директриса считала себя вправе отплатить попавшейся на глаза мерзавке за нанесенное безмолвное оскорбление оскорблением явным: могла обозвать кобылой высокую и грациозную Жюли, обезьяной — хохотушку Фифи и коровой — фигуристую Полин, чей бюст каким-то непостижимым образом неплохо так выдавался вперед вопреки скудному рациону с низким содержанием жиров.

Встречая уважаемых членов комиссии ранним промозглым утром, мадам Бекю желала лишь одного: чтобы отбор поскорее остался позади и она снова смогла обрести душевный покой, позволив монотонным обязанностям директрисы вытеснить все мысли о несостоявшейся славе в мире искусства.

Но вдруг выяснилось, что представители Королевского Балета не могут провести смотр, пока к ним не присоединится его попечитель, герцог Анри де Бомон. Как оказалось, инициатором сего предприятия был именно этот человек, и он собирался высказать свое мнение относительно каждой кандидатки в престижную труппу.

Некие дела задержали герцога в столице, потому он должен был явиться на пару часов позднее комиссии. За это время директриса чуть не поседела, пока носилась по пансиону да раздавала всем указания, дабы экстренно подготовить покои для комфортного размещения герцога. И все было сделано в лучшем виде. По крайней мере, в рамках бюджета, которым рас-

полагала провинциальная балетная школа. Тем не менее к обозначенному часу высокородный гость не прибыл, а явился лишь за полночь, когда ожидание стало ну совсем уже мучительным.

Директриса вместе с особо уважаемыми ею членами преподавательского состава и представителями комиссии встречала герцогский экипаж у главного входа в пансион. И когда дверца кареты открылась, выпуская наружу холеного мужчину лет пятидесяти в черном дорожном плаще и треуголке, досада, лежавшая камнем в груди, стала стократ тяжелее. Она вдруг отчетливо осознала, что именно не давало ей покоя все это время: ощущение утерянной власти. Той самой власти, которой обладают молодые женщины, особенно принадлежащие миру искусства, над сердцами мужчин, не исключая и сильных мира сего. Вот как этот самый светловолосый господин в дорогих одеждах, который хоть и не пренебрег правилами хорошего тона в отношении совершенно измотанных долгим ожиданием встречающих, но всем своим видом демонстрировал отсутствие какой-либо заинтересованности в них. Директриса с ужасом думала, что уже много лет назад упустила все шансы покорить такого мужчину и тем самым обрести более красивую и, главное, беспечную жизнь. А вот одна из вверенных ей дурех явно способна вскружить голову этому типу и, если окажется достаточно умной, чтобы не позволить сделать из себя одноразовую игрушку, то перескочит десяток-другой ступенек социальной лестницы и будет взирать свысока на своих бывших подружек. Пока мадам Бекю предавалась этим безрадостным мыслям, вслед за герцогом из кареты вышел высокий молодой человек лет двадцати. На нем тоже был черный плащ, но, в отличие от герцога, юноша был с непокрытой головой, и присутствующие могли оценить удивительный цвет его волос — чистый жемчуг.

— Дамы и господа, позвольте представить вам моего сына, — торжественно произнес герцог. — Маркиз Реми де Бомон!

— К вашим услугам, — безразличным тоном произнес названный и встал прямо напротив мадам Бекю.

И вот теперь, когда директриса вдоволь упиалась жалостью к себе, мысленно прокручивая события прошедшего дня, она вдруг подумала, насколько все-таки ангельская внешность де Бомона-младшего контрастировала с его недобрым волчьим взглядом.

Глава 2

Утром в столовой было оживление. Мало того что грядущий день обещал стать непохожим на другие и дарил многим из воспитанниц надежды на крутой жизненный поворот, так еще и вместо привычной овсянки на воде подали запеченный омлет с овощами, сладкий чай и ломтик белого хлеба с сыром.

— Интересно, как там шея мадам Бекю. По моим подсчетам, ее уже вовсе должна душить жаба, — произнесла рыжая Фифи. Она любовалась золотым оттенком плотного треугольника омлета, нанизанным на вилку.

— Представление для приезжих, то-то и всего, — пояснила Жюли, грациозно сделав глоток чая. — Завтра, смотри, вообще по тарелке кипятка поставят вместо завтрака. Так что ешь, пока дают.

— Да что-то ничего в горло не лезет. Волнительно как-то перед отбором — Фифи явно была настроена обсудить предстоящее мероприятие. — Кстати, как думаете, выберут кого-то из нас? Вот бы взяли нас троих, правда? Будем потом и в Королевском Балете дружить!

Полин, которая уже съела омлет и теперь неторопливо поглощала белый хлеб с сыром, наслаждаясь каждым кусочком, решила вмешаться:

— Я предпочитаю думать, что не выберут. Не хочу тешить себя надеждами, а потом расстраиваться. Будем откровенны — у нас нет никого с более-менее сильной Искрой.

— Ай, ну тебя! Они же зачем-то приехали! Значит, шансы есть! И неужели ты никогда не мечтала о сцене Королевского Балета? — не унималась рыжая.

— Не-а, не мечтала. Я трезво оцениваю свои возможности, — честно призналась Полин и, глядя в расширившиеся от изумления глаза подруги, добавила: — Может, я и тут оказаться не должна была. Просто как-то так получилось...

— Стоп, но ведь после выявления у ребенка Искры выясняют, к какому виду творческой деятельности он тянется. Или у тебя было иначе? — недоуменно спросила Фифи.

— Иначе. В моей деревне не проводили никаких тестирований: не так уж и часто там рождаются искрящиеся. Маги просто спросили родителей, какие способности наблюдались у ребенка, то бишь у меня. Мама и папа сказали, мол, танцор еще тот. Но какой ребенок не танцует? Так что, может, меня определили сюда по ошибке. Я все чаще к этому склоняюсь.

— Ничего себе заявочки! — Фифи явно была поражена тому факту, что только сейчас узнала этот фрагмент из биографии подруги, с которой провела бок о бок несколько последних лет.

— Но ты же хороша в балете, Полин! — воскликнула Жюли.

— Но не лучше тебя и Фифи, — засмеялась девушка. — Кстати, я в любом случае не жалею, что оказалась здесь, потому что повстречала вас двоих!

— А-а-а, это так мило! Я тоже благодарна Мирру за вас! А если кого-то из нас выберут, и нам придется распрощаться? Блин, я сейчас разревусь, — жалобно протянула Фифи и выпятила нижнюю губу в знак доказательства.

— Не реви, не то опухнет лицо и герцог не влюбится! Ты же еще вчера собиралась за него замуж, — пошутила Полин и принялась собирать грязную посуду на поднос: сегодня была ее очередь дежурить на кухне.

— А у него что, нет жены? — удивленно спросила Жюли, которая, в отличие от большинства юных девушек, никогда не тяготела к штудированию светских хроник развлечения ради.

— Ну ты вообще отстала от жизни! Он, между прочим, уже много-много лет вдовец. Но больше я его кандидатуру не рассматриваю, девочки, — Фифи пододвинула к Полин свою вот-вот опустевшую тарелку, пригнулась к столу и заговорщицки прошептала: — Я тут краем уха

услышала, что герцог приехал с сыном. Это его мы вчера видели в окно. Так что будем делать ставки на молодую кровь...

— Ага, удачи, — произнесли Полин и Жюли одновременно и, переглянувшись, рассмеялись.

Попытки мадам Бекю оставить о себе и школе благоприятные впечатления не ограничились полной сменой меню в столовой на время визита столичных гостей. Также для воспитанниц был загодя организован пошив новых репетиционных пачек-колокольчиков, дабы в оных девушки могли выступить на отборе. Чтобы исключить преждевременную порчу изделий, директриса распорядилась выдать пачки прямо перед смотром и строго по одной штуке в одни руки.

Полин, которая, к своему огромному сожалению, была вынуждена заниматься мытьем посуды в столовой вместо того, чтобы переживать волнительные минуты начала отбора вместе с подругами, мчалась за свеженькой пачкой к секретарю мадам Бекю. Получив ее в хрустящем бумажном свертке да поставив в журнале аккуратную подпись с двумя завитками, красотой которых невольно залюбовалась на пару секунд, девушка бодрым шагом направилась в восточное крыло, где и проходил смотр. Маленькая балерина то и дело срывалась на легкий бег — хоть Полин и утверждала за завтраком, что особых надежд на сегодняшнее мероприятие не возлагает, и, в общем-то, не лукавила, все равно разнервничалась из-за предстоящего выступления. Желала «отстреляться» побыстрее. Ведь одно дело — танцевать для не особо-то и прихотливых местных жителей, которые покупают за символические деньги билеты на отчетные спектакли в их школе, а совсем другое — для настоящих знатоков балета из столицы. А ведь они еще и оценивать будут!

Предаваясь размышлениям о смотре и прижимая заветный сверток к груди, девушка взбежала вверх по ступенькам и собралась было повернуть налево по коридору, который ввиду смотра обещал быть совсем безлюдным. Но вдруг из-за угла возник блондин, на ходу щелкнувший крышкой изящного серебряного футляра. Он явно был намерен преодолеть лестницу не менее стремительно, чем Полин.

— Ай! — жалобно воскликнула Полин, налетев на молодого человека и уткнувшись правым предплечьем в тлеющий огонек сигарели. От неожиданной боли Полин дернулась всем телом, взмахнула рукой и случайно выбила из мужских пальцев эту дорогую трубочку, которую раньше видела лишь на страницах иллюстрированных столичных вестников. Сверток с пачкой также выпал из ее рук.

Несколько раз дунув на уже успевший стать красным след от сигарели, Полин подняла глаза на парня в надежде обменяться взаимными извинениями и, быть может, немного поиронизировать над случившимся: ведь так гораздо проще пережить любую неприятность. Но с недоумением обнаружила колючий обвиняющий взгляд, который, того и гляди, вот-вот проделает дыру в ее голове.

— Ты испортила мою сигарель, — произнес блондин абсолютно ровным тоном, но его спокойствие чем-то напоминало медлительность хищника перед смертоносным броском на жертву. Это явно было не тем, что девушка ожидала услышать. Потому недолго думая она решила обвинить самодура в ответ:

— Потому что ты меня обжег! — воскликнула Полин, машинально закрывая поврежденное место ладонью другой руки, будто защищая его. Тем временем парень лениво наклонился за еще тлеющей сигарелью, поднял ее, повертел в руках и хмыкнул:

— Со мной только на «вы» и с трепетным придыханием, деревенщина. И я жду извинений.

— Что?! Это безумие! — возмутилась юная балерина и собралась было ретироваться, как блондин перехватил ее поперек талии одной рукой и оттолкнул к стене.

— Ай! — снова вскрикнула девушка от неожиданности, а потом в сердцах ругнулась:
— Урод!

Парень в мгновение ока приблизился и сжал шею балерины правой ладонью.

— Извинись, — бескомпромиссно потребовал он, наблюдая, как расширяются от ужаса глаза девушки.

— Обойдешься! — не так уж и уверенно ответила Полин, а в следующую секунду парень усилил хватку. Девушка вцепилась обеими руками за его запястье в попытках освободить шею. Тщетно.

— Извинись, — повторил блондин, но гордость балерины явно взяла верх над ее же здравомыслием. И тогда парень чуть отстранился и поднес к ее лицу другую руку, в которой все еще тлела сигарель:

— Что ж, раз в этой глуши хорошему тону тебя не научили, придется мне самому преподавать урок. На всю жизнь запомнишь...

И он преподнес сигарель еще ближе, намереваясь оставить отметину на левой щеке Полин. Ее сердце забилось так, будто вот-вот выскочит наружу. Получить ожог еще и на лице она точно не желала, потому еле слышно прохрипела:

— Извините...

— Что? — он сделал вид, что не расслышал, но чуть ослабил хватку.

— Извините, — повторила Полин. — Я... Я не специально...

И тут же возненавидела себя за вынужденное раболепие. Зато парень, не проронив больше ни слова, освободил Полин и метким движением швырнул сигарель в пролет между перилами. Он еще пару мгновений смотрел на девушку сверху вниз, а потом двинулся вперед к лестнице. По пути к ней молодой мужчина пнул сверток с пачкой, который еще недавно Полин прижимала к груди. Тот с глухим звуком лопнул, и нежно-розовая сетчатая юбка вывалилась на верхнюю ступеньку. Обидчик тут же встал на нее, демонстративно вытер подошву ботинка о полупрозрачную ткань и зашагал вниз, на ходу выжывая из футляра свежую сигарель.

Как только звук его шагов стих, девушка разрыдалась от унижения.

Глава 3

«Урод! Ненавижу!» — Полин бесконечно прокручивала в голове конфликт с парнем, пока вытирала влажной тряпицей след от его ботинка на пачке. В зал для смотра она так и не отправилась — была не готова объяснять всем любопытствующим причины зареванного вида. Вместо этого балерина решила уединиться со своей обидой в общей спальне, поскольку, по ее подсчетам, вероятность того, что туда кто-то придет во время отбора, была не так уж и велика. Она покинула учебный корпус через черный вход, то и дело озираясь по сторонам: а нет ли на горизонте обидчика? Но если с озлобленным парнем Полин разминуться удалось, то прошмыгнуть мимо Пухлианы на ее посту в стенах пансиона не представилось возможным.

— А ну стоять! — не терпящим противоречий тоном потребовала дежурная воспитательница, оторвавшись от вязания. Но потом заметила незавидное состояние юной особы и, как по мановению волшебной палочки, смягчилась: — Полин, детка, что случилось? Иди-ка сюда, садись в мое кресло!

Девушка подчинилась и, как это часто бывает, когда проявляют искреннее сочувствие твоим слезам, не сумела сдержать себя и разрыдалась пуще прежнего. Воспитательница же, кряхтя и сетуя на суставы, уселась прямо на пол у кресла и положила руки на колени подопечной.

— Я... Я... Я не пойду на отбор Не пойду! Не хочу! — залепетала Полин.

— А никто тебя и не гонит! Ради Мирра, объясни, что произошло? Кто тебя обидел? — допытывала Лиана, чье сердце просто разрывалось от сострадания.

— Белобрысый такой... Высокий... В черном! — пожаловалась Полин и, предвосхитив следующий вопрос воспитательницы, добавила: — Нет, не герцог. Молодой такой... Сын его, что ли... А может, и не сын... Не знаю я!

— Должно быть, сынок герцогский, да... Блондинов тут нынче двое ошивается, больше не наблюдала. Так как он тебя обидел, говори! Не посмотрю, что голубых кровей, убью, коли приставал! Отвечай: приставал? — разошлась не на шутку Лиана.

Уж слишком равнодушна была эта женщина к возможным бедам «своих девочек». Она сама еще в молодости усвоила, что представители сильного пола порой поступают крайне недостойно. Каждого из них она авансом подозревала в самых страшных грехах: любой мужчина был в ее глазах злодеем, пока не доказано обратное. И, в отличие от мадам Бекю, пожилая воспитательница не считала, что интерес юных девушек у мужчин служит первым во благо.

— Нет-нет, не приставал! — поспешила заверить собеседницу Полин и, заикаясь, поведала о недавнем происшествии на лестнице, ничего не отняв и не прибавив. Надо сказать, Лиана выглядела малость озадаченной рассказом:

— А ты точно только врезалась в него, и все? Ничего часом не лягнула неуважительного?

— Да нет же! Ничего я ему не говорила! — воскликнула Полин. Ее настолько обидели подозрения Лианы, что она собралась было разрыдаться снова.

— Ну все, поняла, поняла! Я верю тебе! Не реви только больше! — примирительно подняла дежурная обе руки, мол, сдаюсь. — Да даже если бы и что-то эдакое сказанула, нельзя хрупкую девчонку за шею хватать! Особенно когда сам вымахал как оглобля! Говорила я мадам директрисе, что быть беде с герцогами этими И это еще не вечер! Палец даю — еще не вечер! Гони юбочку свою сюда! Приведу в порядок — и на отбор пойдешь!

— Я же сказала, что я не пойду! — захлопала глазами Полин.

— Почему это?

— Я не хочу встретить там этого неадекватного...

— Ну уж нет, дорогая моя! Я не позволю тебе отказаться от шанса показать себя перед комиссией Королевского! Такое везение же раз в жизни бывает!

— Уже повезло выше крыши...

— А ну прекрати мне это! Не пойдешь — всю жизнь жалеть будешь! Вон директриса наша — была чудо как хороша в молодости, ну просто куколка из музыкальной шкатулки! Три года подряд принимала участие в отборе в театр этот ваш!

— Правда? — от удивления Полин даже на секунду забыла о своих бедах: о такой подробности из биографии мадам Бекю она не знала.

— А то! — подтвердила Лиана. — Не шибко-то хотели брать тогда слабоискрящихся! И такой талант пропал в стенах школы! А вам повезло!

— Может, лучше в стенах школы просидеть остаток жизни с ученицами, чем с такими, как этот урод, пересекаться... — спорила Полин, но уже не так рьяно.

— Ты понимаешь, что он там, может, сидит и вспоминает, как тебя довел? С них, герцогов, станется! И вот сдайся ты — так он еще больше ликовать будет! Ты хочешь доставить ему такую радость?

— Нет... — искренне призналась девушка. Воспитательница, заметив, что, кажись, нащупала верный путь к полному убеждению, продолжила:

— Тогда вытирай глазенки и вперед! А коли попадется на пути барчонок этот, гордо подняла голову, как вы, плясуньи, умеете, и пошла по своим делам, поняла?

В этот момент Полин подумала, что Пухлиана, пожалуй, права: не многовато ли чести этому негодяю, чтобы теперь из-за него прятаться по углам? И хотя желания выступить перед комиссией не прибавилось, она все же решила не тушеваться. Ученица провела ладонями под глазами, — от внутренних уголков к внешним, дабы смахнуть последние слезы, — и решительно сообщила:

— Я пойду на смотр. А он пусть подавится своей злобой! Юбку сама попробую отчистить. Все равно мне нужно чуток времени, чтобы лицо стало нормальным. Ну, чтоб не было видно, что плакала... Не говори никому, пожалуйста... Хорошо?

— Конечно, моя дорогая! Ступай, почисти перышки! И да поможет тебе Мирр!

— Спасибо за все, — искренне поблагодарила юная балерина воспитательницу перед самым уходом, а та подумала: «Ох, беде быть! Нутром чую»

Пока Полин приводила себя в порядок и собиралась с духом, в коридоре у входа в зал, в котором проходил смотр, томились в ожидании несколько десятков уже разогретых девушек в танцевальных костюмах: облегающих черных лакотах, новеньких бледно-розовых пачках и жесткой танцевальной обуви на лентах. Как только открывалась дверь, выпуская из зала очередную просмотренную кандидатку, все присутствующие тут же слетались к ней и давай выпытывать, как все прошло. Юные балерины по крупицам собирали информацию о нюансах отбора в надежде, что это поможет им справиться с испытанием. Однако чем дольше длился конкурс, тем стремительнее ослабевало убеждение, что Королевский Балет сильно нуждается в новых лицах: комиссия отсмотрела уже уйму претенденток, а ни одна еще не вышла с улыбкой от уха до уха. Тем не менее многие мечтательные особы рук не опускали и мнили, что уж им-то удастся произвести впечатление на балетных экспертов, и, как следствие, упорхнуть из этих опостылевших стен в новую жизнь.

— Ну, что сказали? — не счесть, сколько раз уже прозвучал этот вопрос в стенах коридора.

— Сказали, неплохо, но для слабой Искры недостаточно мастерства... — неизменно отвечала «отстрелявшаяся».

Когда напряжение первых часов отбора сошло на нет, обсуждение происходящего плавно перетекло в другую плоскость:

— А герцог что-нибудь сказал?

— Только: «Благодарим вас».

— А сын его?

— Нет, он ничего не сказал. Но мне показалось, он так жадно смотрел... Ох, девочки, кажется, я влюбилась... Он такой красивый!

Эффектную внешность герцогского наследника упоминала, пожалуй, чуть ли не каждая побывавшая в зале отбора. А потом объект разговоров и сам явил себя ожидающим своей очереди юным балеринам. Он резко отворил дверь, и, даже не обращая внимания, как резко стихли все разговоры, хозяйской походкой двинулся вперед по коридору, извлекая из кармана футляр с сигаретами. В этот момент девушки аж замерли от благоговения: как хорош, как статен! Конечно же, очарование молодого человека усиливали его титул и состояние, не без этого, но ученицы захолустной балетной школы, неискушенные общением с родовитыми юношами, не могли определить все причины своего восхищения де Бомоном-младшим, потому восприняли его как небожителя. Он олицетворял собой тот самый мир из девичьих грез, в котором есть место лишь любви и счастью. О том, что парень может быть не принцем, а злодеем из сказки, наивные девушки и мысли не допускали.

Пока Реми отсутствовал, новых конкурсанток в зал не вызывали. Это означало, что мнение герцогского сына также имело вес на отборе. Жюли, которая уже успела выступить перед комиссией и смириться с отказом, что, впрочем, далось ей несложно, поскольку девушкой она была здравомыслящей, нагнулась к уху разминающейся рядом Фифи и прошептала:

— Он ни слова обо мне не сказал... И, судя по тому, что говорят остальные, — о них тоже. Интересно, какую роль он вообще играет на отборе? Тоже великий эксперт?

— Тише ты! Дверь вон приоткрыта — услышат же!.. Я не знаю, — честно призналась рыжая. А потом сделала фуэте и добавила с кокетливой улыбкой на губах. — Но я определенно не против, что он здесь!

— Может, без него не смотрят просто как бы в знак учтивости? Ну, честь ему таким образом оказывают, — встряла в их разговор стоящая рядом Розетта. Глядя на эту девушку, любой бы отметил, насколько не подходит ей ее имя: вытянутое невыразительное лицо и жиденький пучок светло-русого оттенка ну никак не вызывали ассоциаций с королевой цветов.

— Может Но все равно как-то странно. Зачем тогда герцог вообще притащил его с собой? Если он ну никак не влияет на отбор? — рассуждала Жюли.

— Ой, не все ли равно? А если женить его решил? Невесту ему смотрят! Чем демон не шутит! — Фифи даже не скрывала своих брачных надежд.

— Да-да, среди нищенок со слабой Искрой только невест и искать — Жюли была настроена скептически. — Ой, идет опять...

На своем обратном пути де Бомон-младший снова не удостоил ни одну из девиц вниманием. Но, кажись, уходил он в более ровном расположении духа, чем возвращался. Молодой человек несея по коридору словно вихрь, оставляя за собой лишь недоуменные перешептывания, и в итоге хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка.

— Розетта Кокто! — донесся голос мадам Бекю мгновением позже.

— Ой, девочки, у меня колени подкашиваются... — пожаловалась названная.

— Давай, Розетта, ни овчинки ни выделки! — пожелала ей Фифи, за что тут же получила символическую оплеуху от Жюли.

— Ни пуха ни пера, бестолковая! — поправила подругу та.

Глава 4

Мадам Бекю, цель присутствия на отборе которой сводилась лишь к унижительным для нее приглашениям в зал девушек да редкому озвучиванию комментариев об их способностях, тоже чувствовала себя малость обескураженной происходящим. Ведь создавалось впечатление, что столь уважаемые ею члены комиссии из Королевского Балета отсматривают кандидатов не столько для усердной работы в театре, сколько на потеху семейки де Бомон. Иначе как еще объяснить тот факт, что решающее слово — за представителями этой фамилии? От глаз директрисы не укрылось, как в конце каждого выступления герцог поворачивал голову к сидящему слева от него сыну и, прищурившись, изучал его реакцию, после чего благодарил станцевавшую только что девушку. Его «Спасибо!» командированные работники театра явно расценивали как «Нет!», потому что сразу же начинали озвучивать кандидатке дежурные причины отказа вроде слабой Искры и недостаточно хорошей техники.

А когда Реми, наплевав на все правила приличия и недовольный вид отца, отправился вдруг на перекур, мадам Бекю утвердилась в своем мнении: вот кто правит бал! Ведь в отсутствие де Бомона-младшего женщину одернули, соберись она было вызвать следующую ученицу на смотр. Мол, надо молодого мсье дождаться. «Кого и для чего они ищут?» — закусила тонкую губу мадам Бекю, наблюдая, как представители самого престижного в мире театра заискивают перед де Бомонами. И не менее любопытно было директрисе, почему именно этот белокурый парень выносил юным балеринам вердикт, хотя и не произносил при этом ни слова. Лишь продолжал сидеть с таким видом, будто нет на свете занятия неприятнее, чем наблюдать, как девицы из шкуры вон лезут, дабы впечатлить его своими фуэте и жэтэ. И презирающий взгляд парня из-под лба явно мог сбить уверенность даже с самой целеустремленной танцовщицы.

Возвращение юноши ознаменовалось таким оглушительным хлопком двери, что мадам Бекю даже вздрогнула от неожиданности. Реми же проследовал к своему месту и уселся, откинувшись на спинку кресла по своему обыкновению. Но глаза его были остекленевшими — мысленно он явно был не здесь. Молодой мужчина саклонился к столу и взял перо. Там, где белоснежно-белой скатерти касались его пальцы, остались едва заметные алые следы, на которые тут же бросил взгляд герцог. Реми зачарованно повертел перо в руках. Затем положил на место. Снова откинулся на спинку кресла. Скрестил руки на груди. Директриса отметила, что Реми явно на взводе. Но причины обдумать не успела — ее попросили пригласить следующую балерину...

«Ох, какой позор! Давно надо было выгнать вашей Розетту! Что теперь обо мне подумают?» — причитала про себя мадам Бекю. Ее нерадивая ученица мало того, что начала танцевать мгновением раньше, чем началась музыка, так еще и завалилась на пятку в арабеске. Директриса заметила, как мужчина и женщина из Королевского Балета красноречиво переглянулись, и приняла это на свой счет. Ей показалось, что выражения их глаз говорили: «Чего еще ждать от этой захоластной школы?» Бекю сжала губы так, что они превратились в тонкую белую нить. Розетта тем временем продолжала танцевать, не замечая, что на ее левой танцевальной туфельке вот-вот развяжется лента. Когда это наконец случилось, девушка не смогла не споткнуться к ужасу директрисы.

В этот раз представитель театра даже не стал дожидаться герцога и принялся прощаться с Розеттой:

— Благодарим вас! Однако нам в труппу требуются девушки с...

— Bravo! — воскликнул вдруг герцогский сын к великому удивлению присутствующих, ведь с момента начала смотра он не произнес ни слова в адрес балерин, и начал лениво аплодировать. Сейчас на его губах играла недобрая усмешка. — Я думаю, в труппу требуются как раз такие талантливые особы!

Герцог тут же повернулся к юноше и сквозь зубы злобно процедил:

— Реми!

— А что не так? — продолжал улыбаться молодой человек. — У меня мурашки по коже от выступления мадемуазель... э-э-э... Розали? Думаю, ее ждет большое будущее в театре!

— Маркиз, я прошу прощения, но, боюсь, это... — начал было эксперт в роговых очках, но тут же осекся, стоило герцогу сделать небрежный жест рукой в его сторону. Мадам Бекю в очередной раз поразились, как велика власть этого человека.

— Ты уверен? — отчетливо выговаривая каждый слог, произнес де Бомон-старший, обращаясь к сыну. Он, кажись, решил просверлить Реми взглядом. А вот до членов комиссии и застывшей в недоумении Розетты в одной туфле ему будто и дела не было.

— Я же сказал: мурашки по коже. От нее, — молодой человек взял со стола многострадальное перо и небрежно махнул им в сторону балерины. — Мы нашли, кого нам надо, можно сворачивать этот бред.

И Реми швырнул писчую принадлежность обратно, после чего отодвинулся от стола, демонстрируя намерение встать и уйти, однако строгий голос герцога остановил его:

— Вернись на место! Ничего мы сворачивать не будем! Мы продолжим смотреть. На случай, если ты... ошибся.

Реми бросил на отца недовольный взгляд, но так шумно придвинулся к столу, что от противного скрежетания ножек кресла по полу у присутствующих свело зубы. Герцог покачал головой и наконец-то обратился к несчастной Розетте:

— Что ж, мадемуазель, примите наши поздравления!

Директриса посмотрела в сторону остальных членов комиссии — те явно были шокированы потаканием герцога сыновьему капризу. Женщина из театра открыла было рот, но ее спутник в очках шикнул: «Не надо, в столице разберемся... У герцога де Бомона слишком большое влияние на бюджет, чтобы мы могли спорить с его наследником». Девушка же продолжала тарачиться на вершителей своей судьбы с открытым ртом и никак не реагировала, словно она до сих пор не могла переварить смысл происходящего. Мадам Бекю пришлось вмешаться:

— Розетта, ты прошла отбор. А теперь освободи зал, не задерживай комиссию! И пригласи Фифи Фийон, пожалуйста.

Услышав голос строгой наставницы, балерина тут же оживилась:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — залепетала она и давай делать неуклюжие реверансы. После чего подобрала потерянную туфлю и поскакала на одной ноге в сторону выхода. Только добравшись до двери и распахнув ее, Розетта что есть мочи выкрикнула имя следующей выступающей. Ее высокий голос сорвался на полуслове, отчего раздался звук, похожий на бляение козы. Со стороны столичных экспертов послышались вздохи, и мадам Бекю обреченно прикрыла глаза рукой.

— Здравствуйте! Можно? — в проеме двери показалась рыжая голова Фифи. Девушка улыбалась так, будто ей предстоял не своего рода экзамен, а развлекательное мероприятие. И лишь самые близкие ее подруги знали, что она умело маскирует страх и прочие досадные чувства дурашливым поведением.

— Проходите, мадемуазель Фийон, — позволила директриса и обратилась к комиссии: — Что прикажете исполнить?

— «Танец лесной феи» из балета «Путешествие принца Киприана», пожалуйста, — попросил приземистый мужчина, и аккомпаниатор положила изящные длинные пальцы на клавиши фортепиано в ожидании, пока Фифи пройдет в центр зала и встанет в нужную позицию.

Что ж, и этой жизнерадостной рыжей претендентке явно не доставало силы Искры, чтобы отправить своих немногочисленных, но искушенных зрителей в фантастический мир, по которому совершал свой выдающийся вояж вымышленный принц Киприан.

Однако все сидящие в зале, за исключением, пожалуй, вновь взирающего из-под лба Реми де Бомона, прониклись харизмой Фифи. Легкость, с которой та порхала, демонстрируя комбинацию необходимых для «Танца лесной феи» движений, не навевала ни малейшей мысли о том, какой каторжный труд за ней стоит. А выражение веснушчатой мордашки девушки, старательно изображающей игривость беззаботного лесного создания, вызывало желание улыбаться.

И вот прозвучали последние ноты мелодии. Фифи сделала изящный реверанс, но, поднимаясь, не удержала равновесие и чуть качнулась. Чтобы скрыть неловкость, она звонко расмеялась и, взглянув прямо на Реми, выпалила:

— Ой, мсье, вы так строго смотрите, что у лесной феи крылышки отвалились!

В зале повисла мертвая тишина. Члены комиссии замерли в шоке от дерзости. Реми, вопреки ожиданиям Бекю, не разозлился. Он медленно поднял взгляд на раскрасневшуюся, тяжело дышащую Фифи, и его губы тронула тень усмешки — почти соучастной. Он чуть наклонился вперед, словно собираясь ответить на шутку, но почему-то спохватился и лишь едва заметно кивнул.

Пока представители Королевского Балета тепло обсуждали танец девушки, избегая какой-либо конкретики, герцог искоса наблюдал за Реми — тот снова с равнодушным видом вертел перо, не глядя на ожидающую вердикта балерину.

Де Бомон-старший тихо произнес:

— Думаю, я достаточно хорошо знаю твои уловки, чтобы... — он не договорил. А потом повернулся к Фифи и уже в голос объявил: — Благодарим вас, мадемуазель! Вы свободны!

Реми только хмыкнул.

Глава 5

Когда Полин присоединилась наконец к своим однокашницам, отбор уже подходил к концу. Оставалась буквально пара учениц, которые еще не станцевали перед комиссией.

— Где ты бродишь?! — спросила с укором Жюли, встречая запыхавшуюся от бега лучшую подругу.

— Директриса уже дважды вызывала тебя, но оба раза мы сказали, что ты еще на дежурстве на кухне.

— И что она? — переводя дух, поинтересовалась Полин.

— Такая: «Передайте этой медлительной корове, что я ставлю ее в самый конец очереди!» — вмешалась Фифи и тут же получила неодобрительный взгляд Жюли:

— Необязательно было дословно передавать!

— Да ладно тебе, все нормально! Я же знаю мадам Бекю, — махнула рукой Полин и спросила: — Как вообще обстановка?

— О, ты представляешь — начала было рыжеволосая, но мельком оглянулась, будто отыскивая кого-то взглядом, а потом приблизилась к Полин и прошептала: — Кривоногую Розетту взяли!

— Правда? — удивилась девушка, поскольку Розетта была одной из самых отстающих в их танцевальном классе. — Может, ей удалось раскрыть свой потенциал и блеснуть?

— Ой, я тебя умоляю, — закатила глаза собеседница. — Она выползла из зала в одной туфле. Значит, «блеснула» она как обычно.

— А кого еще взяли?

— Никого! — ответила Фифи и посмотрела на Полин так, будто она в этом и виновата.

— Никого из сорока шести человек! — дополнила Жюли.

— Только вот Розетту эту кривоногую! — поведала зачем-то еще раз рыжая.

— Это не наше дело! — разозлилась на подругу Жюли. — Раз взяли, значит, подошла! Может, типаж им такой нужен!

В этот самый момент распахнулась дверь, ведущая в зал для отбора, и очередная отсмотренная танцовщица привлекла внимание соучениц.

— Ну, что сказали? — в очередной раз раздалось в коридоре, правда, в этом вопросе уже не слышался энтузиазм говорящей, просто праздное любопытство.

— «Искра слабая. Спасибо, вы свободны...» — устало произнесла вышедшая, а потом, спохватившись, добавила: — Ой, там следующую уже ждут. Белль!

— Что и требовалось доказать. Я же говорила, что не нужны мы им со своими слабыми Искрами. Может, оказалось, что у Розетты она сильнее, чем у нас, — обратилась к подругам Полин.

— После Белль вообще-то ты. Беги скорее переодеваться, — поторопила ту Жюли.

— А толку? — вздохнула Полин, но, наткнувшись на строгий взгляд подруги, дальше спорить не стала и поплелась за ширму, которая стояла посреди коридора. Там она на скорую руку переделась в лакот и еще влажную после застирывания пачку-колокольчик.

— Можно? — робко спросила девушка, стоя в дверях и слева направо оглядывая уже уставших членов комиссии. Взгляд наткнулся на герцогского сына, сидящего в конце стола рядом с отцом. Он медленно поднял на нее глаза. В этот самый миг по телу Полин прокатилась волна ужаса. А память «услужливо» подбросила фрагменты недавнего прошлого.

Сигарель в тонких пальцах. Красный ноющий кружок на предплечье. «Ты испортила...» Тонкие пальцы, под которыми шея горит огнем. Серые недобрые глаза, пугающие до дрожи в коленях. Светлая прядь, небрежно упавшая на лоб. Крохотная родинка под губой слева. «Извинись...» Девушке захотелось бежать. Как можно быстрее! И не оглядываясь! Полин чуть было

не захлопнула дверь, дабы осуществить желаемое. Но в этот самый момент парень злорадно ухмыльнулся. «Да он же прекрасно осознает, что мне страшно, и издевается! Ну уж дудки! Не будет он смотреть, как я улепетьваю! Не доставлю я ему такого удовольствия!» Полин нервно сглотнула и тут же задрала подбородок, чтобы хотя бы горделивым видом замаскировать внутреннюю дрожь.

— Проходите, вам говорят, — позвал приземистый мужичок в очках, и девушка, внезапно опомнившись, прошагала в центр зала и остановилась в ожидании дальнейших указаний.

«Не смотри туда! Не смотри!» — приказывала себе Полин, направив взор куда-то между тем самым мужчиной и герцогом. Но боковым зрением все равно уловила, как новоприобретенный враг откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, мол, приступай, развлекай меня.

— «Прощание Элизы» из балета «Сирена и пират», пожалуйста.

Полин встала в исходную позицию и прикрыла глаза, пока аккомпаниатор шумно листала ноты в поисках нужной страницы.

«Так, пират отправляет на прогулку по доске случайно попавшую на его корабль Элизу, предварительно обесчестив ее вместе со своими головорезами. В танце Элиза не только прощается с жизнью, но и клянется пирату отомстить — смерти вопреки. А потом она становится морской сиреной», — вспоминала балерина либретто. Неспешно полилась печальная мелодия, и Полин начала танцевать.

Плавно скользя назад по полу одной ногой и прогибаясь в спине с одновременным движением рук над головой и за спину вниз, девушка представила бездонную синюю высь, вглядываясь в которую Элиза беззвучно молила Мирра не покидать ее. Медленно разгибая корпус и скрещивая руки на груди, Полин позволила глазам наполниться соленой влагой — это плакала ее героиня, осознав свое одиночество среди бескрайних морских просторов, холодных и враждебных. А сделав плие и несколько антраша, маленькая балерина услышала скрип шаткой доски под ногами, до которой вдруг сузился пошарпанный паркет зала. И вот девушка едва удержала баланс, чтобы продемонстрировать наклон и арабеск. «Только бы не упасть, только бы не упасть!» Именно этого желала Элиза, балансируя на старой доске, влажной от смелых прикосновений морских волн, которые взяли небывалую высоту в своем стремлении к небу, но наткнулись на преграду.

На мгновение героиня балета «Сирена и пират» увидела ухмыляющийся лик своего врага. «Странно, — подумала Полин. — Раньше я представляла его зрелым черноволосым мужчиной со спутавшейся бородой и повязкой на глазу. Теперь же я вижу дьявольски прекрасного юношу с волосами цвета морского жемчуга... И я ненавижу его. Он унизил меня! Он заставил меня насильно... извиниться!» Мелодия ускорила — волна гнева захлестнула Элизу. Или Полин? Балерина уже не осознавала. Она кружилась по полу, не замечая никого, кроме ненавистного блондина. «Кем бы ты ни был! Ты не сможешь растоптать меня!» И вот финальный аккорд. Гранд жэте ан турнан — прыжок со шпагатом в воздухе, и Элиза скрылась в морских глубинах. Израненная, но не сломленная...

Полин с облегчением выдохнула и присела в реверансе. Члены комиссии молчали. «Конечно же, они не увидели ни скрипучую доску, ни звезд в синеве небес. Моей искры для этого недостаточно. Но я хотя бы не осрамилась перед этим мерзким аристократишкой», — рассуждала про себя девушка.

— Наконец-то все, верно я понимаю? Расходимся? — раздался голос этого самого негодя. Он не смотрел на Полин — обращался к отцу.

— Реми, это невежливо! Прояви хоть немного учтивости по отношению к молодой особе! — герцог попытался сделать выговор сыну как можно тише, но слышали все сидящие за столом. Только Полин со своего места в центре зала не понимала, что твердит взрослый аристократ молодому с таким недовольным выражением лица.

— Благодарим вас, вы свободны! — копируя манеру отца, в голос выдал де Бомон-младший, и девичье довольство самой собой мигом улетучилось.

— Ваш танец произвел на нас впечатление, но, пожалуй, Искра слабовата для Королевского Балета, — устало произнес герцог дежурную фразу и ободряюще улыбнулся Полин.

— Кхм-кхм — прочистил вдруг горло мужичок в очках. — Я прошу прощения, Ваша Светлость, но профессиональный взгляд старого балетмейстера не позволяет мне промолчать. Если вы позволите, я бы дал шанс этой особе. Конечно, ее Искра действительно не так сильна, как хотелось бы, — я разве что слышал слабый плеск волн, — но какая экспрессия! Да она же прожила все чувства Элизы!

— Нам пригодятся такие танцовщики, — поддержала коллегу еще одна представительница Королевского Балета, которая сидела слева от герцога.

Полин перестала дышать. «Неужели меня берут? Хотя нет, окончательное решение принимает же покровитель. Кого он хочет видеть в труппе, того и приглашает...» Но тот молчал еще несколько томительных секунд, словно раздумывая — настоять на своем или нет. А потом обратился прямо к замершей в ожидании девушке:

— Что ж Раз многоуважаемая комиссия Королевского Балета разглядела в вас потенциал, примите мои поздравления, мадемуазель...

Полин не осознавала происходящее — почему-то именно сейчас начало жечь в районе предплечья, и девушка представила спасительную прохладу морской воды — той, в которую ушла Элиза.

Из задумчивости балерину вывел хруст — маркиз сломал перо пальцами одной руки. Девушка подняла глаза на лицо парня в ожидании увидеть на нем то самое презрение, однако в его глазах этого чувства не было. Там был страх?

Глава 6

— Тоже мне! Я бы задумалась, такая ли уж это честь, если тебя берут вместе с Розеттой! Небось на потеху всем! — прозвучал надменный голос, обладательница которого явно желала быть услышанной всеми в столовой.

— Ефли фавидуефь, так и скафы! — заорала в ответ Фифи, совершенно позабыв, что она до конца не прожевала отправленную в рот пару секунд назад порцию каши. И, конечно же, забрызгала стол ошметками вареного овса.

— Спасибо, что заступаешься за меня, но не стоит. Не обращай на них внимания, — устало попросила Полин, флегматично отодвигая от себя тарелку, в которую, кажется, попала слюна подруги, что напрочь отбило и без того незавидный аппетит. На скрежет алюминиевой миски по столу отреагировала Жюли, повернув голову. Полин виновато улыбнулась, но потом проследила за взглядом подруги и поняла, что та смотрит на ожог на ее предплечье. Девушка спешно одернула рукава и прошептала: «Вчера на кухне, когда дежурила...»

— Конечно, удивила ты нас конкретно... Кричала: «Балет — это не мое», а сама вон... — Фифи и не думала скрывать собственную досаду.

— Я не ожидала такого итога, честно, — подняла глаза Полин, в которых почему-то не наблюдалось блеска торжества. — Я просто хотела быстрее станцевать и забыть об этом отборе! А получилось вот как. Я... я даже не мечтала об этом!

— Тебе незачем оправдываться перед нами, — вмешалась Жюли. — И для меня нет ничего удивительного в том, что тебя взяли: ты прекрасно танцуешь. Мы рады за тебя. Да, Фифи?

— Да! Рады! — саркастически отозвалась та. — Только никого не смущает, что она уедет? Когда, кстати?

— Где-то через месяц, насколько мне известно. Когда они посетят оставшиеся балетные школы. Директриса должна известить.

— Прелестно! Через месяц мы, значит, расстанемся.

— Мы будем переписываться! Я хоть каждый день готова писать вам письма! — смело заявила Полин, и Жюли в ответ закивала:

— И в гости будем друг к другу приезжать! Ну, когда мы выпустимся.

— Ай, — махнула рукой Фифи и отвела взгляд. Принялась крутить на месте стакан с чаем. — Все всегда такое обещают друг другу, когда разъезжаются. А потом со временем становятся чужими. И никаких писем, никаких гостей. Уж поверьте моему опыту.

— Это когда ты такого опыта успела набраться? — удивилась Жюли. — А вот, представь себе, успела! — огрызнулась та, и за столом воцарилось молчание.

Конечно, мало кто из присутствующих не заметил разительный контраст между сегодняшним завтраком и вчерашним. Всего сутки назад в этом же месте царила сказочная атмосфера, наполненная надеждами и предвкушениями юных девиц. Сегодня же здесь воцарился дух разочарования и горечи. А еще и завтрак оскорблял взор творческого человека своими невзрачными цветами, чего не скажешь о вчерашней утренней трапезе. Ведь важные гости отбыли, и директрисе уже никому не нужно было пускать пыль в глаза.

— Везет же некоторым, — снова принялась вздыхать Фифи. — Мало того что танцевать в Королевском будешь, так еще и гляди, красавчика этого охмуришь!

— Ты о герцогском сыне? — уточнила Жюли. Полин вздрогнула.

— Нет, блин, о том старом толстяке в очках из комиссии! — раздраженно отчеканила рыжая, но, наткнувшись на недоумение Жюли, пояснила: — Ну конечно же, о герцогском сыне!

— Не собираюсь я его охмурять! — рявкнула вдруг Полин. Она не заметила даже, что сделала это слишком уж громко. Девушки, сидящие за соседними столами, замолкли и уставились на нее.

— Эй, ты чего? Ну не хочешь охмурять, ладно... — Фифи явно не ожидала такой реакции подруги, которая никогда не славилась вспыльчивостью.

— Да просто бесит уже это слушать: красавчик, красавчик! Может, он душой урод! Почему приятного личика достаточно, чтобы превозносить человека? — завелась девушка. Она так и не смогла рассказать приятельницам о произошедшем вчера на лестнице: почему-то было стыдно описывать свое унижение.

— Правильно! — поддержала подругу здравомыслящая Жюли. — У него вообще такой взгляд, что бр-р-р! Дай ему волю — сожжет глазами!

Фифи на это лишь фыркнула.

Когда начался балетный класс, Полин с удивлением обнаружила, что Фифи, которая обычно занимала место у станка впереди нее, в этот раз почему-то решила разместиться на противоположной стороне репетиционного зала. Поймав мимолетом вопросительный взгляд подруги, рыжая тут же отвернулась и сделала вид, что для нее сейчас существует лишь учительница, которая вот-вот вошла в помещение. Та, не утруждая себя долгим приветствием, сходу озвучила комбинацию.

«Фифи обиделась, потому что я так гаркнула на нее за завтраком? Но это на нее не похоже...» — думала Полин, приседая в деми плие и поднимаясь на полупальцы. Больше всего на свете ей хотелось обернуться к Жюли, танцующей сзади, и уточнить, не знает ли та причину странного поведения рыжей. Но как назло, мадам не давала передышки, и связка сменялась новой связкой.

Давно занятие не казалось ученице настолько долгим. Пожалуй, с тех самых времен, когда она была напуганной крохой, волей судьбы оказавшейся в балетной школе. Многие движения долго не давались Полин, а педагоги в таких случаях не скупилась на едкие оскорбления. Потому и приходилось считать секунды до окончания очередной экзекуции. Точнее, урока. Это потом уже ранимая детская душа обросла какой-никакой, а броней, и неприятные высказывания учителей перестали причинять прежнюю боль.

— Мадемуазель! Мы вам тут не мешаем? — грубо обратилась к Полин преподавательница: девушка все же не выдержала и попыталась позвать Жюли, когда настало время сделать разворот у станка и повторить движения на другую ногу и руку.

— Извините, — негромко произнесла покрасневшая, как плод барбариса, балерина, однако мадам этого явно было недостаточно.

— Пока вы еще здесь, ваши успехи на смотре не имеют никакого веса! — зычно добавила она, глядя сверху вниз на провинившуюся ученицу.

Полин хотелось провалиться в демонову бездну, ведь со всех сторон послышались злобные смешки. Она машинально посмотрела в сторону Фифи в поисках привычной поддержки. И, к своему недоумению, увидела некое торжество в глазах подруги. Но она тут же попыталась его скрыть подобием ободряющей улыбки, которая говорила: «Ой, ну подумаешь, училка отчитала! Мне бы твои беды!»

— И вообще, — продолжала мадам. — На каком это основании вы решили дополнить форму этим безвкусным платком? Вам теперь закон не писан? Решили выделиться? Мне кажется, вы слишком рано возомнили себя этуалью!

Снова раздалось хихиканье.

Полин неосознанно потянулась рукой к бледно-розовому платку на своей шее, будто его пытаются отобрать. Вещицу она несколько месяцев назад получила почтой от родителей на именины, и сегодня утром та пришлась как нельзя кстати — следы на шее вызвали бы массу вопросов. Родители, наверное, не один месяц копили на расшитый серебряной нитью платок

из добротной ткани, потому оценка мадам — «безвкусный» — ощущалась как болезненная пощечина и вызывала желание отплатить той же монетой, дабы защитить честь мамы и папы. Но девушка подавила гнев и снова воспроизвела ложь, которую утром озвучивала уже соседкам по комнате. Правда, сейчас ее тон был менее уверенным:

— У меня просто горло побаливает. Вот я и решила... Ну, платок повязать, чтобы согрел шею... Простите...

— Отлично, давайте еще и заразите нас всех! — рявкнула мадам. Но, судя по всему, ответом она осталась удовлетворена, поскольку продолжила вести класс.

Остаток занятия Полин прилежно выполняла команды преподавательницы, чтобы больше не привлекать к себе ненужного внимания. И думала о том, что, пожалуй, приобретенная броня на душе, которую она в красках представляла ранее, все же имеет брешь. Иначе как объяснить, что ей сейчас до безумия стыдно?

— Шаг! Арабеск! Полупальцы! Стоим! — потребовала мадам, и, убедившись, что никто не потерял равновесие, выразила удовлетворение: — Так, хорошо... Закрыли. Теперь на левую. Шаг! Арабеск! Полупальцы! Стоим! Стоим! Я сказала, стоим, Розетта! Закрыли... Всем спасибо, занятие окончено!

Девушки лениво поаплодировали, после чего устремились к одному из углов зала — забрать свои вещи из ячеек шкафчика. В ряду первых Полин обычно не бежала, поскольку находила более приятным обождать и уйти последней, нежели толпиться вместе со всеми. Но сегодня ей не давало покоя поведение Фифи, потому она сразу рванула к шкафчику вслед за подругой.

— Эй, ты чего? — сходу спросила Полин, когда нагнала рыжеволосую. — Обиделась?

— В смысле? — подруга сделала непонимающий взгляд.

— Ну, сегодня ты не встала рядом. Почему? — Просто. Захотелось позаниматься в другом месте.

— М-м-м. Понятно, — ответила Полин, хотя понятно не было. Но девушка продолжила попытки пробить стену отчуждения: — Пойдем на парапете посидим как обычно?

— Ой, сегодня без меня. У меня дела, — отрезала Фифи, не глядя подруге в глаза, и направилась к выходу.

— Не обращай внимания. Ты ни в чем не провинилась, а ей надо время перебеситься, — раздался голос Жюли. Полин и не заметила, когда это она успела оказаться рядом.

— Ну что, пойдём тогда посидим вдвоем? Пока перерыв не закончился, — позвала девушка.

— Ай, вдвоем не так весело. Да и сегодня прохладно, задние точки отморозим. На парапете этом, — раскритиковала предложение подруги Жюли. — Пойду лучше почитаю чуток. Не грусти!

И Жюли растворилась в толпе других учениц.

Пожалуй, такой одинокой, как сегодня, Полин не чувствовала себя никогда.

Глава 7

«Как быстротечно время. Вот уже и деревья пожелтели», — думала мадам Бекю, неспешно прогуливаясь вдоль речушки, к которой там и сям драматично склоняли золотистые макушки красавицы-ивы. Женщина выходила на променады по окрестностям ежедневно после полудня, и горе было тому, кто смел попасться ей на глаза на любимом маршруте да обозначить некие «неотложные проблемы», ради решения которых надо было срочно возвращаться в школу. На головы гонцов с недобрыми вестями тут же обрушивался гнев директрисы, будто те и были виновны во всех бедах.

И когда позади раздалось визгливое: «Мадам Бекю, мадам Бекю!», женщина помянула демона и приготовилась покрыть ядом взывавшую к ней секретаршу. Когда та ее нагонит, конечно же. Мадам и не думала развернуться и пойти навстречу мадемуазель Прат. Ну или хотя бы подождать. Директриса упрямо продолжала свою прогулку, всем своим видом демонстрируя, что не собирается снисходить до вопящей во все горло помощницы.

— Мадам Бекю! — прозвучало прямо за спиной женщины, и она наконец замедлила ход, позволяя запыхавшейся секретарше поравняться с ней.

— Неужели вы все настолько беспомощны, что не можете без меня и 40 минут поработать? — начала было мадам.

— Мадам Бекю, там почтальон. Важная корреспонденция. Под расписку. И никак иначе. Я говорила ему: «Наша мадам ужас как занята, давайте я распишусь за нее!» Гарантировала, что передам письмо в полной сохранности. Лично в руки, как надобно! А он ни в какую! Вы представляете? Уперся как бык! Мол, настолько все серьезно, — пролепетала мадемуазель Прат скороговоркой, прекрасно зная, что манера речи провинциальной простушки претила тонкой натуре бывшей балерины. Но секретарша небезосновательно считала, что мадам Бекю сговорчивее в раздражении, нежели в гневе. Но сегодня удача была не на ее стороне.

— И вы, конечно же, не знали, что его надо попросить навеститься в другой раз. И, более того, пообещали ему привести меня сейчас же. Верно я вас поняла? — тщательно выговаривая каждый слог, спросила Бекю, и сердце мадемуазель Прат сделало кульбит.

— Ну, я подумала, что там что-то важное, и...

— Ты подумала? — мадам вдруг раскатисто засмеялась, и тут же с ближайшего дерева испуганно взмыли ввысь четыре птички, — Нет, драгоценность моя, ты не подумала. Потому что, судя по всему, тебе по голове постучи — и раздастся глухой звук, потому что она полая. Сколько раз я должна еще сказать, что запрещается меня беспокоить во время прогулки, если речь как минимум не о пожаре?

— Извините, мадам... — пристыженно пробормотала мадемуазель Прат. — Я подумала... точнее, не подумала, потому что голова у меня пустая... Не подумала я, что раз письмо от герцога де Бомона...

— Что? От герцога? — резко остановилась Бекю и впервые за весь этот неприятный для обеих сторон диалог вгляделась в лицо собеседницы — оно было мокрым от пота и напоминало промасленный донельзя блин из дешевой ярмарочной лавки. В другой раз директриса скривилась бы от отвращения да преподала бы помощнице пару уроков хорошего тона, но сейчас любопытство захлестнуло женщину так, что стало не до нравоучений. Напротив, она выдала:

— Что же ты раньше не сказала? А ну беги к почтальону, скажи ему, чтобы меня дождался. Не то уйдет еще!..

Мадам Бекю едва не рыдала от разочарования, когда дочитывала строки на гладкой как лед бумаге с изображением фамильного герба. Когда в ее руки легло письмо, она не могла дождаться, когда болтливый почтальон наконец верно истолкует ее односложные ответы да уберется восвояси, чтобы как можно скорее запереться в кабинете и прочесть послание.

И когда директриса открывала конверт, в нос ударил легкий аромат дорогого парфюма с нотой удового дерева, и это только укрепило ее надежды на романтическое содержание письма. Но каким болезненным было падение из иллюзий в реальность! Письмо герцога носило исключительно официальный характер и касалось юных балерин. «Ах, вот что вы хотели! Что ж, воля ваша будет исполнена. По высшему разряду», — и Бекю небрежно бросила письмо в выдвижной ящик...

В репетиционном зале пахло канифолью и застарелым потом — запахами, которые Полин ненавидела и обожала одновременно. Балерина стояла посреди пустого зала и раз за разом воспроизводила танец «Прощание Элизы» в надежде сделать это так же, как на отборе. Но казалось, что скорее она упадет замертво от бесконечных повторений, нежели снова услышит скрип шаткой доски под ногами и почувствует соленые брызги на щеках. «В Королевском Балете быстро поймут, какую бездарность они взяли, и выставят меня вон», — с горечью думала Полин. Теперь, когда лучшие подруги избегали общества девушки, идея начать новую жизнь в столице уже не казалась такой пугающей. Однако, видит Мирр, с такими успехами закрепиться в труппе ей не светит.

Полин представила мерзкую ухмылку злобного пирата из либретто — сейчас тот снова был черноволосым и длиннорылым — и сделала гранд жете. И хотя ноги казались налитыми свинцом, прыжок удался на славу. «Хоть что-то получается», — отметила балерина и сделала реверанс собственному отражению в зеркальной стене. Оно вежливо присело в ответ.

Вдруг где-то сбоку раздались аплодисменты, и девушка вздрогнула от неожиданности. Прислонившись к дверному косяку, манерно хлопала в ладоши Фифи. Почему-то жаркая волна стыда прокатилась по телу Полин. Она зарделась так, будто ее поймали за поеданием запрещенной для танцовщиц сдобной булки с хрустящей сахарной корочкой.

— Ой, я тебя не заметила. Ты давно здесь? — виновато улыбнулась балерина подруге, однако Фифи не улыбнулась в ответ. Более того — в ее взгляде читалось осуждение.

— Меня послала на твои поиски Лиана, — проигнорировала вопрос Фифи. — Уже вообще-то отбой прозвучал, а тебя нет. Она там раскудаhtалась вовсю, так что сворачивай свой спектакль.

— О Мирр! Я совсем забыла о времени! Сейчас быстренько переоденусь только. Подождешь меня?

— Поторопись тогда. Не хочу из-за тебя не выспаться, — и рыжая потупила взор.

Беседовать она явно не желала. Полин была знакома эта сторона подруги: когда она была разгневана или обижена, то не пряталась за маской смешливости и демонстрировала отчуждение до тех пор, пока вину перед ней не загладят. Но сейчас казалось, что Фифи не просто выстроила стену. Она будто выковала ее из льда, к которому только руку поднеси — обдаст обжигающим холодом с головы до ног.

Полин устала гадать, что произошло между ними, потому пока снимала со станка предварительно брошенное на него серое платье, решила задать вопрос в лоб:

— Фифи, скажи, я в чем-то виновата перед тобой?

— С чего ты взяла? — ответила вопросом на вопрос Фифи, подняв глаза от своих ног и направив взор куда-то в потолок — Полин это увидела в зеркале, спешно надевая через голову платье. Как назло, она умудрилась в нем застрять. И теперь торопливо пыталась освободить скомкавшийся в районе груди подъюбник. Удавалось с трудом. Подруга на помощь не пришла.

— Ну, ты разговариваешь со мной холодно. Становишься в другом конце зала на занятиях. Убегаешь куда-то в свободные часы. И вот сейчас тоже... будто чужая совсем, — принялась перечислять Полин, наконец-то справившись с предметом гардероба. После чего оправила подол, сдула со лба выбившуюся из пучка прядь и посмотрела на Фифи. Отражение рыжей снова делало вид, что внимательно изучает свою обувь. На вопрос девушка ответила с некоторой задержкой:

— Ты виновата не передо мной. А перед всеми девчонками. Знала бы, что ты такая подлая, никогда бы с тобой не дружила! — и в этот самый момент Фифи посмотрела прямо в глаза зеркальному двойнику Полин. Та настолько опешила, что на секунду застыла с поднятыми к волосам руками, так и не вытащив шпильку из пучка. Потом она обернулась.

— Подлая? — эхом отозвалась Полин, и ее собственный голос показался ей жалким. — Фифи, о чем ты? Что я сделала?

Рыжая наконец отлипла от дверного косяка и отмерила несколько шагов вглубь зала. Невысокие каблукы ее пошарпанных туфель стучали по паркету, как молоток в руках судьи.

— «Что я сделала?», — передразнила она, и в ее голосе звякнуло неприкрытое презрение. — Ты получила место в Королевском Балете, охмурив маркиза. Чего рот раскрыла? Пухляночка твоя любимая проболталась. Спрашивает меня однажды: «Как подружка после случившегося?» Я такая: «Чего случившегося?» А она: «Ну, после того самого, на лестнице с герцогским сыном». Я стояла и ушам своим не верила. А потом до толстухи дошло, что моя «прекрасная» подруга ничего мне не рассказала. Так она рот захлопнула и сделала вид, что занята сильно. Перебиранием наволочек...

— Ты... ты все не так поняла, — выдавила Полин, чувствуя, как внутри все клоочет от несправедливости. — Фифи, он обидел меня. Он...

— Конечно, обидел! — Фифи звонко расхохоталась, и этот смех, лишенный всякого веселья, ударил по ушам сильнее любого крика. — Так обидел, что после этого именно тебя, мадемузель «Балет — это не мое», выбирают в лучшую труппу страны! А ты потом еще кричала на завтраке, что он урод, чтобы никто ничего не заподозрил! Ну актриса! Я даже поверила!.. И платочек твой тот розовый... — Она ткнула пальцем в шею Полин. — То-то не снимала его несколько дней. Что, жарко целовал?

— Все было совершенно не так! — Полин сорвала пучок, и шпильки дождем рассыпались по полу. Волосы тяжелой волной упали на плечи, но это не принесло облегчения. — Фифи, ты же меня знаешь... Как ты можешь нести эту чушь?

— Я знала ту Полин, которая вместе со мной плакала над стертými в кровь пальцами. А ту, что обжимается с маркизами ради карьеры и лишает других шанса — нет, не знаю. И знать не хочу.

Фифи резко развернулась. Ее рыжая копна полыхнула в свете газовых рожков, как настоящее пламя.

— Скажи спасибо, что я никому не рассказала о твоей выходке в честь прежней дружбы, — нанесла новый удар Фийон, даже не оглядываясь.

— Розетта, по-твоему, тоже обжималась с маркизом? — едко бросила ей вслед Полин.

— Ну, она хотя бы все время отбора была там с нами в коридоре. — ответила Фифи уже от двери. — В отличие от тебя.

Полин осталась стоять посреди зала, окруженная рассыпавшимися шпильками. В зеркале ее копия выглядела точно так же: сломленной, растрепанной и бесконечно виноватой в подлом поступке, которого не совершала...

Глава 8

Лиана собиралась как следует отчитать Полин, которая разбередила ей нервы на ночь глядя своим отсутствием во время отбоя. Но когда она увидела, что рыжая посланница возвращается в одиночестве, заготовленные нотации мигом позабылись, а сердце зашлось как загнанное. Женщина встала со своего места и двинулась навстречу Фифи, близоруко щурясь. Она пыталась угадать выражение лица воспитанницы: уж не тревожное ли? И каково же было удивление пышной мадам, когда Фифи наконец приблизилась и в глазах ее сверкнуло торжество.

— Ой, без драмы, Лиана. Идет твоя Полин следом. Не запылилась, — не самым вежливым тоном сообщила рыжая девчонка и направилась к общей спальне, оставляя позади запыхавшуюся воспитательницу.

— А где была-то? — растерянно бросила ей вслед та.

— Репетировала. «Этуаль» наша, — недобро улыбнулась Фифи, обернувшись. А потом добавила: — Но как там говорится? Не наевшись, не налижешься!.. Ой, не то. Что это со мной? Не потопаешь, не полопаешь. Вот!

И Фифи захихикала. Не дождавшись ответного смешка от воспитательницы, девушка открыла дверь спальни и растворилась в ее темноте.

Лиана озадаченно уставилась на прописанную кобальтовой краской цифру «шесть» — номер комнаты. «Разругались, кажись, — с грустью подумала она. — Ишь, озлобленная какая! А я-то думала, не разлей вода девчонки. А оно вон что! Зависть-змея. Прокралась-таки в дружбу...» Из мыслей Лиану выдернул звук спешных шагов по дощатому полу. Бежала Полин.

— Прости, Лиана, — девушка затормозила так резко, что чуть не впечаталась в воспитательницу. — Я совсем потерялась во времени.

Женщина отметила и бледное лицо маленькой балерины, и дрожащие руки, и бесцветный усталый голос. Сердце Лианы по-матерински сжалось от нежности к этой девочке, с которой судьба явно взыщет немало за свой щедрый подарок в виде везения на отборе.

— Иди уже, звезда, — примирительно махнула рукой воспитательница, и Полин тут же захотелось прижаться к ее теплему боку и разрыдаться. — Ну, чего стоишь? Бегом в постель — околела, небось.

— А можно я с тобой чуть-чуть посижу? — робко спросила девушка.

— Чего удумала! А завтра будешь валиться от недосыпа у станка этого вашего? А потом Лиана будет виновата, если мадам затрецин надает! — женщина сама понимала, что возмущается просто ради приличия и что позволит этой девчонке себя переубедить просто парочкой «пожалуйста».

— Да всем уже плевать на меня! Мне же скоро уезжать в театр... Будь он проклят, — последние слова вырвались у Полин сами собой. Девушка взглянула на воспитательницу — та уже открыла было рот, чтобы возмутиться сказанным — и балерина решила это пресечь: — Да, Лиана, я скоро уеду. И не знаю, когда мы еще с тобой свидимся. И свидимся ли вообще... Позволь мне немного побыть здесь, не гони. Пожалуйста.

— Ладно, уговорила, — сдалась женщина и с привычным кряхтением уселась в кресло за столом, с которого взяла вязание. — Что, Фифи не подружка тебе больше? Э-э-эх, а я-то думала, вы до старости будете как сестры.

— Она думает, что я получила место в театре, потому что соблазнила того уroda... — ответила Полин, и, обратив внимание на неподдельное изумление в глазах собеседницы, пояснила: — Фифи узнала, что у меня с ним была какая-то ситуация на лестнице, а какая именно — додумала сама... А самое забавное, что меня утвердил сотрудник театра, де Бомоны чуть ли не кривились от моего танца.

— Ох, Полинетт... — оторвалась от своей ажурной салфетки воспитательница и взглянула на девушку. — А ведь это я, дура старая, проболталась девчонке. Думаю, дай-ка спрошу, что да как, подружки ведь... Вот делов натворила, а!

— Не кори себя, Лиана. Я знаю, что ты не со зла, — поспешила успокоить добродушную женщину Полин, а затем грустно усмехнулась: — Зато я теперь в курсе, кем меня считает Фийон...

— Не бери близко к сердцу, девочка моя. Наверное, по себе судит наша Фифи, — и Лиана многозначительно посмотрела в глаза Полин.

— Что ты имеешь в виду? — не замедлила спросить та.

— Когда герцоги эти окаянные уезжали, а дело было ранехонько утром — вы еще спали, я думаю, надо еще раз поглядеть на светлейших особ. Заржали лошади — подали экипаж, и я побежала к окну между лестницами. Не успела. Закрывались уже в карете господ. Но что меня удивило, — и воспитательница придвинулась поближе и продолжила заговорщицким шепотом: — так это то, что я увидела знакомую рыжую макушку во дворе недалеко от кареты!

— Фифи? — изумилась Полин. — Но что она там делала?

— А вот не знаю, — снова вернулась к вязанию Лиана. — Когда она поднялась, я ей, мол, ты что, вообще с ума сошла? Ты откуда возвращаешься? А она пищит: «В уборную ходила, и стало дурно — вышла подышать воздухом!» А сама — в платье! Где это видано — платье надевать среди ночи, чтобы посетить уборную? А она стоит глазами хлопает: «Холодно, я так давно сплю!» Но вот что интересно — я не знаю, когда она ушла из спальни! Прощмыгнула, наверное, когда я дремала. Но к отъезду герцога я не спала уже не меньше часа...

— Может, она тоже хотела просто посмотреть? Поближе? — несмело высказала догадку Полин: почему-то ей вообще не хотелось верить в то, что у подруги могли быть некие дурные мотивы.

— И я так поначалу подумала, — шумно вздохнула Лиана. — Что это ваши девчачьи шалости. И всему виной — любопытство! То-то, когда приезжали Бомоны эти, так липли вы к окну! Я махнула рукой на рыжую плутовку, решила: «Главное, что Бекю не стала собирать делегацию, чтобы проводить гостей. Увидь она — мало бы не показалось ни Фийон, ни мне». Наверное, герцоги сами потребовали, чтоб им в такую рань не досаждали церемониями.

— Наверное... — согласилась Полин и умолкла, погружившись в мысли о подруге и ее тайнах.

Лиана тоже не стала продолжать разговор, а принялась сосредоточенно вывязывать ряд за рядом. И ритмичные постукивания спиц в ее пальцах подействовали на балерину убаюкивающе: веки девушки начали тяжелеть, а пространство будто начало сгущаться и превращаться в пух...

Полин распахнула глаза: вокруг — зеркала знакомого до боли репетиционного зала, в которых отражалась она сама. А у ключиц каждого из двойников будто от ветра колыхались концы завязанного тугим узлом того самого бледно-розового шейного платка. «Странно, я же уже не ношу его», — подумала девушка. Но дальше развивать эту мысль не стала — как никогда нужно было повторить «Прощание Элизы». Балерина заняла исходную позицию и начала свой танец. И, о чудеса Мирра, паркет под ногами исчез, а вместо него возникла почерневшая от морской соли зловещая доска. Жирной линией она словно пыталась перечеркнуть полотно бурлящей синевы, запертой в зеркальных стенах помещения. Это было похоже на гигантский аквариум. «Получилось! История оживает!» — ликовала Полин и продолжала танцевать. Однако тело упорно отказывалось повторять давно выученную до автоматизма последовательность движений и вместо этого исполняло совсем другой сюжет. Девушка вдруг осознала, что делает уже которое фуэте на этой самой шаткой доске. Мир вокруг плыл, как картинка калейдоскопа. Будто чей-то невоспитанный ребенок крутил его со всей прытью в надежде сломать и досадить настоящему владельцу. И вот разряд молнии. Фуэте. Скрип доски. Фуэте. Шелест

морской пены. Фуэте. Заливыстый смех Фифи... Полин теряет равновесие и падает на четвереньки, на секунду смежив веки. «И платочек твой розовый... То-то не снимаешь его. Что, жарко целовал?» — произнесла подруга.

Балерина нехотя подняла глаза. Море исчезло. Доска — тоже. Под ногами — все тот же пошарпанный паркет. Полин встала в рост и бросила взгляд на зеркало в ожидании увидеть рыжую девчонку позади своего отражения, как это было накануне. Но от неожиданности танцовщица вздрогнула — за стеклом стоял лишь удивительной красоты молодой мужчина с жемчужно-белыми волосами и взглядом... волка? Нет, скорее, загнанного волчонка. И его бледное лицо вызывало одновременно и страх, и сочувствие.

«Спаси...» — вдруг попросил он еле слышно и протянул к Полин руки. Ей показалось, что красавец вот-вот схватит ее за шею. Как там, на лестнице. Но он прикоснулся к девичьим плечам.

— Нет! Не трогай меня! — закричала девушка что есть мочи и... проснулась.

— Открой глаза! Это всего лишь дурной сон, — Лиана уже всю трясла воспитанницу за плечи. Та быстро заморгала, чтобы вернуться в реальность.

— Уже утро? — спросила она ослабленным голосом. Очертания печального Реми де Бомона развеялись, но сердце девушки продолжало грохотать.

— Какое там! Еще спать да спать. Только иди-ка, детка, в свою постель. Не дело ребенку ночевать сидя на стуле.

— Хорошо... — Полин встряхнула головой, нехотя встала и ватными ногами побрела в общую спальню, чтобы проспать еще вечность, не меньше. Но желательно без сновидений. И желательно без Реми де Бомона в них.

В темноте комнаты номер 6 девушка проскользнула к своей койке. Тишина была колючей, как казенное одеяло. Полин скинула туфли и платье, юркнула под ткань. Справа послышался шорох — Фифи перевернулась на другой бок, демонстративно вздохнув. Жюли спала тихо, а Розетта... Розетта, та самая «счастливица», всхлипнула во сне. Полин коснулась пальцами шеи. Кожа горела там, где некогда ее сжимали ледяные пальцы Реми. «Урод», — прошептала она одними губами, пытаясь убедить себя, что взгляд загнанного волчонка — это всего лишь плод воображения. Ей нужно было его презирать. Это было единственным, что казалось сейчас правильным...

Глава 9

Полные горького разочарования и тревоги, дни Полин тянулись, словно лежалая нуга из закровов Лианы. После злополучной ссоры в репетиционном зале она с Фифи больше не разговаривала: ожидала, что рыжая остынет и придет просить прощения за несправедливое оскорбление. А заодно откроет свои тайны, как раньше.

Но этого не произошло, а душиить собственную гордость Полин была не готова. По крайней мере, пока. А что касается Жюли, то она хоть и не вступила ни с кем в конфликт, все равно предпочла дистанцироваться — позиция между двух огней ей была не по сердцу. И, будучи человеком практичным, девушка предпочла занять сторону той подруги, которая не покинет ее в ближайшем будущем. Фифи. «Я не знаю, что между вами произошло. Но не заставляй меня выбирать, Полин», — заявила как-то раз она и... все равно сделала выбор.

Но все же час пробил — день отъезда в театр приблизился вплотную. Наутро двум юным балеринам, на которых указал перст мадам удачи, надлежало сесть в школьную повозку и отправиться в ближайший город. А там пересест в дилижанс до самой столицы. В блистательный Валанж! А пока Фифи и Розетта собирали вещи под щебетание однокашниц — комната номер 6 встречала воскресный вечер. Неожиданно раздался восторженный писк Розетты. Она вывалила на свою кровать все нехитрое имущество и пыталась запихнуть в старый сундук пожелтевшие отрезки кружева.

— Полин, как думаешь, в столице носят ажурные манжеты? — Розетта сияла так ярко, что на нее было больно смотреть. — Бабушка пишет, что я теперь — гордость нашего прихода!

Фифи с силой захлопнула свой шкафчик, и звук удара дерева о дерево прозвучал как выстрел. Она не уделила внимания Розетте, лишь бросила взгляд на Полин — тяжелый и мрачный.

— Ой, чуть не забыла! — спохватилась Розетта и принялась шуршать какими-то бумагами. Нашупав маленький сверток, который иная обитальница спальни приняла бы за скомканный лист бумаги для кормления огня в очаге, балерина прижала его к груди и вздохнула с облегчением. — Фух, слава Мирру, нашла! Амулет с листком падуба. Бабушка заговорила — она у меня умеет колдовать! Хочешь взглянуть?

Полин не очень-то интересовалась такими вещами, но решила проявить вежливость и приблизилась к своей будущей попутчице. Та принялась разворачивать сверток, и это действие напоминало очистку луковицы от шелухи — девушка снимала слой серой бумаги за слоем. Наконец остался шарик размером с грецкий орех, из которого Розетта выудила ничем не примечательный кожаный мешочек на шнурке. И тут же надела его на шею.

— Он защищает от всякого дурного глаза, — пояснила она. — А у тебя есть амулет?

К счастью, отвечать Полин не пришлось. В этот момент дверь распахнулась. Лиана, потная и запыхавшаяся, вкатилась в комнату:

— Девочки... Мадам велит всем спуститься в холл. У нее для вас объявление. Письмо пришло от герцога...

Розетта подпрыгнула, хлопав в ладоши, и первая выбежала за дверь, едва не сбив воспитательницу с ног. А сердце Полин забилось сильнее, хотя она и сама не понимала, что ее страшит больше — то, что поездка отменится, или то, что она действительно состоится. Из комнаты девушка вышла последней.

Мадам Бекю стояла под тусклым светом масляной лампы, сжимая плотный лист бумаги так крепко, что побелела кожа вокруг ее миндалевидных ногтей. Директриса дождалась, пока последняя ученица угомонится, и обвела глазами холл. В зрачках сиял недобрый огонек.

— Дорогие девушки, — начала она официальным тоном — сухим, как прошлогодняя солома. — Как вам всем уже известно, нашей школе выпала большая честь — принять у себя

представителей Королевского Балета и его попечителей — герцога и маркиза де Бомонов. Итогом этого визита стало избрание двух наших учениц в самую престижную труппу страны, а то и всего Мирража. Однако планы изменились...

Директриса сделала драматичную паузу. «Ну не томите же вы!» — думала про себя Полин. Предчувствие было недоброе. А мадам Бекю как будто нарочно тянула время. Убедившись, что все воспитанницы как одна затаили дыхание, женщина продолжила:

— Его Светлость герцог де Бомон прислал окончательное распоряжение относительно двух особ, которые завтра должны отправиться в столицу... Мадемуазель Шеро!

Мадам Бекю обратила свой взор на Полин — и девушку бросило в холодный пот. Раньше она не могла выдерживать взгляд директрисы, особенно когда та обзывала ее короной в хрустальной лавке. Сейчас, после смотра, балерину уже не так страшило внимание самой главной в школе, но все равно оно было липким и неприятным.

— Твоя кандидатура остается в силе, — наконец произнесла женщина, и Полин тихонько выдохнула. — Но я бы на твоём месте сильно не обольщалась. Приготовься как следует трудиться, иначе оглянуться не успеешь, как вытеснят из труппы более даровитые танцовщицы.

По залу пронеслись шепотки, но мадам Бекю резко вскинула руку.

— А вот относительно второй девушки пришло уточнение, — и директриса развернула письмо, чтобы зачитать: — Состав труппы требует иного типажа. Мадемуазель Кокто...

Женщина встряхнула головой, будто ей было крайне невыносимо озвучивать написанное герцогом. Она нашла взглядом замершую ученицу, склонила голову и произнесла приторным тоном:

— Розетта, мне очень жаль, но тебя брать передумали... Видимо, ты чересчур хороша для текущих нужд театра в Валанже.

Раздалось несколько издевательских смешков — подпевалы директрисы дали ей понять, что оценили шутку. Полин повернулась в сторону Розетты — в глазах той стояли слезы унижения. Чувство острой несправедливости полоснуло сердце ножом. «Да лучше бы меня отклонили! Розетта ведь так ждала поездки! Так радовалась!» — подумала Полин. Она перевела взгляд на директрису и чуть не дернулась от омерзения.

— Вместо Розетты Кокто, — продолжила Бекю, — завтра отправится в Королевский Балет...

И женщина снова сделала торжественную паузу. Злорадная улыбка играла на ее губах.

— Мадемуазель... — директриса снова притихла на секунду, радуясь тому, что девицы уже на грани от напряжения. — Мадемуазель Фийон!

Полин не поверила своим ушам. Фифи? Память подкинула недавний рассказ Лианы о ночном путешествии подруги. Это как-то связано с сегодняшней новостью? Она взглянула на рыжую — та, казалось, удивлена не меньше, чем все. Ну, или умело изображала изумление.

— Что? — вот и все, что смогла выдать Фийон. Она так побледнела, что веснушки на ее щеках загорелись еще ярче.

— Прими мои поздравления, Фифи! — произнесла мадам Бекю и спрятала письмо в карман.

— Юные особы, на этом все. Какие есть вопросы?

Полин огляделась по сторонам — ученицы притихли. Жюли выглядела слегка озадаченной, Фифи стояла с глупым выражением лица, будто не осознавала своего счастья, а вот Розетта... Смотреть на нее было тяжело. Казалось, несчастная девочка сейчас дождетя ухода Бекю и побежит на крышу, чтобы сигануть вниз. Полин затрясло от несправедливости. Сердце понеслось галопом, и создало впечатление, что оно не уймется, если хозяйка промолчит.

— Есть вопрос! — раздалось в тишине холла.

— Да, Шеро? — директриса уставилась на Полин так, как будто увидела ее впервые в жизни. Обычно Шеро предпочитала быть незаметной.

— Скажите, а обязательно было делать это так? — голос юной балерины звучал твердо.

— Прости, что? — подняла бровь директриса.

— Почему вы не сообщили эту новость Фийон и Кокто лично? Зачем вам понадобились зрители? — Полин обвела рукой холл, и все уставились на нее как на умалишенную. Мадам Бекю даже растерялась от такой дерзости.

— Ты забываешься, девчонка, — прошипела сквозь зубы она.

— Вы сказали с издевкой, что Розетта слишком хороша для Валанжа. К чему эти прилюдные унижения? — не унималась Полин. Она сама пребывала в шоке от своей смелости и не понимала, что ей развязало язык: скорый отъезд из «царства» мадам Бекю или же это жгучее чувство в груди, которое появилось, как только Полин представила беднягу Кокто на крыше.

— Потому что Розетта и правда слишком много о себе возомнила, если считает себя достойной Королевского Балета! — почему-то начала оправдываться директриса.

В этот самый момент на ум Полин так вовремя пришли недавние слова Лианы: «Просто куколка из музыкальной шкатулки...» И ученица, мысленно прославляя взявшуюся ниоткуда находчивость, отгаторила:

— Ну, она хотя бы достойнее, чем вы! Насколько мне известно, вам там трижды говорили «нет». А вот Розетте хоть и отказали в итоге, но изначально ее посчитали подходящей для этой вашей «самой престижной труппы страны, а то и всего Мирража».

Сказанное прозвучало как раскат грома на полях во время сбора лаванды. Присутствующие потупили взоры от неловкости — узнать такую тайну о директрисе было сродни изучению ее нижнего белья. Даже Розетта позабыла о своих страданиях и стыдливо прикусила губу.

Мадам Бекю несколько раз открыла и закрыла рот, будто выброшенная волной на берег реки рыба, а потом стремительно подошла к Полин, стуча каблуками, и отвесила ей оглушительную пощечину. Звук удара отразился от сводов холла. Голова ученицы дернулась вбок. Но она подавила в себе порыв схватиться рукой за горящую щеку, а повернулась к директрисе и посмотрела ей прямо в глаза:

— Я буду носить это с честью, мадам!

— Вон! Пошла вон! Все пошли вон! — резко закричала мадам Бекю. Воспитанницы побежали врассыпную к лестницам, гонимые возбуждением и страхом. Кроме Полин. Та еще секунду-другую смотрела на раскрасневшуюся от гнева женщину, а потом игриво сделала ей реверанс и отправилась вслед за одноклассницами.

Глава 10

Когда дилижанс миновал заставу и колеса сменили вязкий хлюпающий звук проселков на торжественный рокот столичной брусчатки, Полин поняла: назад дороги нет. Валанж встретил ее лесом закопченных труб и таким грохотом, что закладывало уши.

Несмотря на чудовищную усталость, девушка с живым любопытством глядела в окно в надежде увидеть те самые эффектные городские пейзажи, которые некогда с упоением рассматривала на почтовых открытках. Вдруг она поймала себя на мысли, что крепко сжимает кожаный мешочек на груди — ей его всучила Розетта ранним утром перед отъездом.

— Нет-нет! Я не могу это взять! Тебе же смастерила бабушка амулет от дурного ока! А тут Бекю как раз со своими глазюками, — отшучивалась тогда Полин, растроганная искренним порывом соседки, с которой никогда тесно не общалась.

— Но я же от всего сердца! Ничего ценнее у меня нет, а мне так хочется отблагодарить тебя, — настаивала Розетта в прохладном сумраке умывальни, куда пришла следом за Полин. — К тому же...

Кокто с опаской посмотрела на дверь и наклонилась к уху собеседницы:

— Там, в холле после слов мадам Бекю мне хотелось пойти к реке и утопиться. Думала, я теперь — всем посмешищам посмешище. Лучше уж умереть.

Полин в ужасе прикрыла рот рукой. Ничего себе, насколько она была права относительно планов этой неуклюжей, но такой трогательной девушки! А Розетта продолжила:

— Но когда ты сказала, что я даже лучше Бекю в балете, мне стало так... весело!.. Да, весело! Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться! Ты же видела ее лицо, видела? Никто ее на место так не ставил!

И, будто в доказательство своих слов, Розетта заготовала. Полин улыбнулась в ответ и собралась было сказать, что никакого подвига она не совершила, но Кокто сделала жест рукой, мол, я еще не закончила, и поведала:

— Но это не самое главное. Ночью меня осенило: а ведь амулет бабушкин меня уже спас! Не стоило мне ехать в театр — ждало меня там зло. Волшебный листок падуба сделал свое дело и теперь должен послужить другому хозяину! Тебе! Бери, не бойся! Он отведет и от тебя беду.

Полин не особо доверяла кустарной магии деревенских старух, но против таких аргументов Розетты вкупе с ее искренними оленьими глазами устоять не смогла. И со словами «Что ж, если тебе он больше не пригодится, приму с благодарностью» покорно склонила голову и позволила соседке надеть амулет на себя.

В этот момент в умывальню пришаркала сонная Фифи со старым полотенцем, застиранным до состояния наждачной бумаги. Увидев Кокто подле Полин, рыжая вздрогнула и протянула:

— О, Розетта... Я не знала... Мне так неловко перед тобой! Аж провалиться хочется!

— Да ладно тебе, Фийон, это к лучшему! Покажи им всем там! — и списанная со счетов герцогом де Бомоном танцовщица сделала победный жест кулаком, а потом вдруг смачно зевнула. Переход получился забавным.

— Ладно, я пойду досплю! Счастливо, девочки! — попрощалась она, старательно делая вид, что не замечает, как у однокашниц увлажнились глаза.

Стоило Розетте скрыться за дверью, как Фифи протянула мизинец бывшей подруге с робкой улыбкой:

— Мир?

— Нет! — неожиданно отрезала Полин. — Ты знаешь, что Розетта чуть не покончила с собой?

— Что? — округлила глаза рыжая.

— Что слышала. И если твоя внезапная удача как-то связана с твоим же ночным визитом к карете герцога, то уход Розетты из жизни был бы на твоей совести!

— Откуда?.. Я... Я не... — залепетала Фифи, но Полин уже отвернулась и начала собирать свои умывальные принадлежности.

— Ах да! — опомнилась она уже на пороге. — Скажи спасибо, что я никому не рассказала о твоей выходке!

И закрывая за собой дверь, Полин осознала, что не испытывает облегчения от реванша. Были лишь горечь от разочарования, чувство вины и бездонное одиночество...

Дилижанс остановился посреди огромного мощеного двора, зажатого между серыми зданиями.

— Конечная! — закричал что есть мочи извозчик.

Волна пассажиров подхватила растерянную Полин и вынесла ее наружу. Оказавшись на земле, девушка едва удержала равновесие: ноги казались чужими. Рядом шлепнулось с глухим звуком нечто громоздкое, и балерина схватилась за сердце. Это распорядитель сбросил с крыши ее багаж, едва не разбив сундук.

— Нам нужен маршрут до Королевского! — раздался над ухом знакомый голос. Впервые за все время пути Фифи заговорила с Полин. В дилижансе та села отдельно и очень быстро нашла себе компанию в виде молодой торговки, с которой без усталости болтала о всяких пустяках, то и дело взрываясь смехом. Даже во время остановок на ночлег рыжая держалась подле новой знакомой, абсолютно игнорируя бывшую подругу. Но, видимо, торговка уже распрощалась с веселой попутчицей и отправилась своей дорогой.

Полин кивнула. Не время воротить нос — сейчас они одни друг у друга в чужом городе. И, протискиваясь через непривычную толчею, девушки направились искать нужный им городской омнибус.

Им оказался огромный двухэтажный монстр, запряженный четверкой тяжеловозов. Полин и Фифи оказались зажаты на протертой скамье внутри салона. Теперь их соседями были не сонные провинциальные лавочники, а пахнущие лавандой модистки с яркими коробками, деловитые мсье в блестящих цилиндрах, оставляющие после себя тяжелый табачный шлейф, и мальчишки, которые висели на подножках с пачками еще теплых газет и скандировали:

— Король ужесточает контроль над ростовщиками! Узюрье в панике!

— Жестокое убийство на Рю де Коломб! Зверь снова вышел на охоту!

— Маркиз де Бомон устроил дебош в кабаре! Герцог краснеет за сына!

Услышав знакомую фамилию, Полин зарделась и потупила взор. Она отчаянно делала вид, что нисколько не интересуется новостью о ее обладателе. Почему-то в представлениях девушки проявить любопытство к де Бомону означало признать перед Фифи постыдное прошлое с ним. А та, в свою очередь, напрягла слух. Но мальчишка-газетчик снова принялся кричать про короля. А вот одна из стоящих рядом модисток, к немому ужасу Полин, вдруг заговорила:

— Этот Бомон... Слышала, он там такое учинил, что от кабаре одно слово осталось. До сих пор труху и осколки выметают! А все потому, что слабоискрящейся певички, к которой он наведывается, не оказалось на месте!

Полин еще гуще покраснела, а Фифи тут же подалась вперед с ехидной улыбочкой:

— А что, там такая большая любовь?

— Скажешь тоже! Для таких, как Бомон, любовь возможна только к девицам своего сословия с приданным повнушительнее. А певички да плясуньи — это так... — махнула рукой попутчица. — Реми видели то с одной, то с другой...

Полин невольно коснулась пальцами шеи. Загнанный волчонок из ее сна оказался просто пьяным дебоширом, меняющим девушек как перчатки. Но почему тогда внутри все сжималось?

— А вы куда путь держите? — модистка безошибочно определила приезжих по поношенным платьям и старомодным сундукам.

— Мы — танцовщицы Королевского Балета! — отрапортовала Фифи, вздернув подбородок. — Нас вот как раз герцог де Бомон отобрал!

Женщина в омнибусе замолчала. Она многозначительно переглянулась со своей попутчицей.

— Вот как, значит... — пробормотала модистка, отстраняясь. — Ну, удачи вам, котята. Она вам там понадобится. Говорят, в этом театре пол довольно скользкий, ха-ха! А вот, кстати, и ваша остановочка!

— Королевский Балет! — проорал следом кондуктор, и транспорт замер с таким скрежетом, что хотелось зажать ладонями уши. Полин и Фифи начали протискиваться к выходу, игнорируя возмущения пожилой дамы, от которой неприятно пахло луком. Та бурно выражала недовольство, что «безмозглые девчонки» до последнего отсиживались на лавке, а теперь задевают «нормальных людей».

Оказавшись на улице, девушки подняли головы и буквально позабыли, как дышать. Перед ними возвышался Королевский Балет — исполин из серого камня и золота, который, казалось, был построен не руками человека, а вырос из самой земли как памятник искусству. Его колонны напоминали многовековые дубы — чтобы обхватить каждую из них, требовалось человека четыре, не меньше. Огромный бликующий купол, увенчанный фигурой крылатой Музы, создавал удивительный контраст со свинцовым небом. По всему фасаду в глубоких нишах застыли мраморные изваяния покровителей лицедейства. В скудном свете пасмурного дня их пустые глазницы казались живыми. Каменные девы в легких одеяниях и демоны в виде мускулистых мужчин с рогами снисходительно разглядывали двух провинциалок с потертыми сундуками. Словно они и принимали решение, достоин ли городской путник того, чтобы ступить на порог.

— Ну, тут нас точно не ждут, — молвила Фифи, вздохнув. — Пойдем искать, куда заходят работники.

Полин молча кивнула: даже самая юная балерина знала, что парадный вход в театр предназначен только для зрителя. Девушка сделала шаг за бывшей подругой, бросив взгляд на лестницу, которая каменным водопадом спускалась от двустворчатых гигантских дверей.

Ей почудилось, что здание втянуло в себя воздух. Как огромный хищник, который захлопнет пасть, едва добыча ступит за порог. Хорошо, что им не сюда...

Глава 11

— Фу, вот тебе и столичный пансион! — буркнула Фифи, брезгливо смахивая рукавом дохлого таракана с путеводителя по Валанжу. Этой книжицей она только что насекомое и прихлопнула.

— Когда попадешь в первую линию кордебалета, будешь жить в апартаментах, — ответила Полин, устало плюхаясь на койку, которую только что застелила выданными кастаньяншей простынью и покрывалом. Вполне себе чистыми.

— Только не говори, что ты в восторге от этой конуры, — не унималась рыжая.

Полин промолчала. В восторге она не была. И точно так же, как Фифи, предвкушала нечто более уютное, когда комендант сообщил, что комнаты в пансионе при Королевском Балете рассчитаны на двух человек. В школе мадам Бекю они ютились по шесть-восемь девушек в одной спальне, а тут — почти уединение! Также статус самого роскошного театра Мирража формировал завышенные ожидания от служебного жилья. Но увы! Новый угол уступал даже комнате номер 6. Здесь гуляли сквозняки, пахло сыростью, а обои отвратительного коричневого цвета отклеивались там и сям. Казалось, их налепили на эти стены несколько десятилетий назад.

Живот жалобно заурчал. Полин с грустной усмешкой вспомнила, как Фифи спросила коменданта, когда их покормят. Пожилой мужчина даже не понял вопроса, а когда до него дошло, сообщил, что нужно заранее записываться в рефекторий, чтобы рассчитывать на порцию. «Что же нам — голубей сегодня ловить?» — ныла потом Фийон, таща свой багаж вверх по лестнице.

Полин встала с кровати и принялась рыться в своем сундуке — должны были оставаться еще галеты, которые накануне заботливо впихнула в ее руки хныкающая Лиана.

— Вот, угощайся, — неловко протянула девушка сверток соседке по комнате.

Та посмотрела на него с тем же выражением лица, с каким только что глядела на таракана.

— Нет, спасибо! Я брезгую есть стряпню Пухлианы, — надменно произнесла она, глядя Полин прямо в глаза. Девушка поняла: перемирия действительно не случилось, хотя ей казалось, что с прибытием в столицу Фифи пыталась наладить отношения. Но нет. Та просто носила маску дружелюбия.

Вдруг в дверь постучали. Бывшие подруги растерянно переглянулись и выдали хором: «Войдите!» На пороге нарисовалась светловолосая девушка лет на пять их старше. То изящество, с которым она приоткрыла дверь, выдавало балерину.

— Фийон и Шеро? — спросила она таким тоном, будто собиралась их отчитать. Убедившись, что дверь не ошиблась, мадемуазель продолжила: — Меня зовут Инес. Через час сбор новичков у театра. Мне поручили показать вам все. И, если вы будете себя хорошо вести, сможете посмотреть репетицию. Не опаздывать!

Инес не стала дожидаться ответа, грациозно развернулась на каблуках и хлопнула дверью. Полин посмотрела на галеты в руках. Аппетит испарился, уступая место предвкушению. Фифи же бросилась к мутному зеркалу, которое было покрыто черными оспинами.

— Хоть увидим, за что мы тут страдаем среди тараканов! — пропела рыжая и вновь обратилась к Полин, будто они были все теми же закадычными подругами: — Ты же рада?

— Угу, — глухо отозвалась Полин, запихивая галеты обратно в неразобранный сундук. — Как никогда прежде.

Ей нужно было уйти. Вырваться из этой тесной каморки, где фальшь Фифи душила не меньше, чем запах сырости. Проигнорировав вопросительный взгляд соседки, Полин накинула шаль и вышла. До встречи с Инес оставалось время, и девушка решила побродить по окрестностям и подышать свежим воздухом.

Вскоре ноги сами привели ее к служебному входу в театр — сегодня они с Фифи здесь уже были, когда требовалось отметить у дежурной, отдать ей пакет бумаг от мадам Бекю (их в утро отъезда принесла к повозке ее секретарша) и получить пропуска. Правда, провинциалок долго допрашивала охрана снаружи — не по нраву двум суровым мужчинам оказались их громоздкие сундуки. Но тщательно изучив оные, охранники впустили внутрь покрасневших от неловкости девиц, чье белье было бесцеремонно скомпрометировано досмотром.

А теперь дежурная, худощавая мадам Дрю с острыми как тесак скулами и участливой улыбкой, дала Полин добро подождать экскурсии в помещении. «Только далеко не уходи, не то заблудишься», — попросила она и развернула газету, напроочь забыв о присутствии провинциальной балерины.

Изучая висящие на стенах картины, Полин и сама не заметила, как оказалась далеко от поста работницы. Коридор был высоким и гулким, а рамы портретов — потускневшими от времени. С полотен на Полин смотрели великие балерины прошлых лет. Она знала имя каждой из них: об Искрах этих танцовщиц слагали легенды. Осознание того, что эти женщины ходили некогда по этому же коридору, заставляло сердце бывшей ученицы школы мадам Бекю биться чаще.

Она свернула за угол, собираясь продолжить изучение картин, но, кажется, новая ветка коридора привела ее к гримерным. Девушка неспешно прошла вдоль ряда дверей, на каждой из которых висела табличка с именами. Где-то их было шесть, где-то — четыре, а где-то — два. Полин подумала, что дальше должны быть индивидуальные гримерки, но убедиться в этом желания не было. Она собралась было повернуть обратно, как вдруг дверь в конце коридора заскрипела. Но вышедший не спешил показаться. Он продолжал разговаривать с кем-то внутри комнаты.

— Буду с нетерпением ждать спектакля! — донесся до Полин мужской голос. Она точно его уже слыхала прежде.

— О, маркиз, знайте: сегодня я танцую только для вас! — ответил голос женский. Бархатистость звучания навела на мысль о невероятной манкости обладательницы.

«Что, маркиз? Да это же проклятый Реми де Бомон! Это его голос! Бежать!» — пронеслось в голове у Полин, и девушка быстрым шагом направилась прочь. Но скрыться не успела.

— О, кого я вижу! Та самая деревенщина! Стой! — прилетело в спину. Полин не оборачиваясь затормозила и тут же начала себя за это корить.

«Зачем ты встала, дура? Он тебе не командир! Почему послушалась?» — обращалась она к себе мысленно в ожидании, пока Реми ее настигнет. «Что? Я еще жду, когда он подойдет и, может быть, снова начнет меня душить?» — вздрогнула девушка и резко обернулась.

— Что вам от меня надо? — с вызовом бросила она, глядя снизу вверх на остановившегося в паре шагов де Бомона. На нем был безупречный черный камзол с серебряной вышивкой у горла, а жемчужные волосы в полумраке коридора казались почти седыми. Из-за этого его молодое лицо выглядело пугающе мудрым и... измученным.

— Что мне надо? — усмехнулся он. — Это что тебе здесь надо?

— Я жду экскурсию... — начала вдруг оправдываться девушка. — Мадам Дрю разрешила мне.

— Мадам Дрю — добрая душа. Она много кого жалеет. Бездомных котят. Беспризорных ребят... Бездарных девиц, которым здесь не место, — перечислил Реми вкрадчивым голосом, будто по секрету. При этом он неотрывно смотрел Полин в глаза, а она, словно загипнотизированный гадушкой лягушонок, впитывала каждое его движение. Вдруг он сделал шаг еще ближе, и балерина резко отпрянула.

— Не дергайся, сегодня у меня нет желания учить тебя вежливости, — «успокоил» молодой мужчина и лениво потянулся к голове танцовщицы.

Она озадаченно захлопала ресницами. Что он делает? Неужели хочет провести ладонью по ее волосам? Похоже, что да... По коже пробежали мурашки от невесомого прикосновения. В нос ударил запах горького миндаля и табачного дыма.

Реми снова криво усмехнулся и убрал руку. Преподнес к лицу Полин, продолжая смотреть в глаза. Девушка обратила внимание на красные костяшки. Должно быть, это связано с дебошем, о котором кричал газетчик... Но вот ее взгляд сфокусировался на обломке тоненькой соломинки в мужских пальцах. О Мирр, нет! Должно быть, сухая травинка прицепилась на почтовом дворе во время ночлега. А Фифи, гадость эдакая, даже не сказала о мусоре в ее косах! Жар прильнул к щекам: маркизу даже не надо было снова называть ее деревенщиной — вот же, блин, подтверждение!

— Что ж... — снова заговорил он после красноречивого взгляда. — В ближайшее время сеновалов не будет. Какой-нибудь нувориш погрееет тебя в своей постели.

До Полин не сразу дошел смысл сказанного. И Реми это заметил. Он выдержал паузу, пока во взгляде девушки загорелось понимание, и добавил:

— Они любят таких, как ты. На все согласных, лишь бы не возвращаться в свое захолустье.

— Что... что вы себе позволяете? — Полин нервно сглотнула. Почему он с ней так? Ответа не последовало. Реми перестал ухмыляться. На мгновение в его взгляде промелькнуло то же самое выражение, что и в день смотра, когда он сломал перо — странная смесь чего-то, смахивающего на тревогу, и интереса.

— Возвращайся к дежурной, — приказал он ледяным тоном. — Меня тошнит от твоего вида.

Полин хотела было что-нибудь ответить в том же духе, но почувствовала, что слезы обиды подступают к глазам. Поэтому решила бежать с поля боя. Она резко развернулась и зашагала прочь от заносчивого аристократа. Руки дрожали...

Девушка не понимала, как ввязалась в эту войну, но точно знала — она не должна позволить ему себя сломать.

Глава 12

Экскурсия Инес едва ли напоминала развлекательное мероприятие, скорее, военный инструктаж. Она вела новоприбывших танцовщиц (Полин насчитала еще шесть незнакомых девушек) через лабиринты коридоров, которые казались внутренностями величественного зверя под названием Королевский Балет. Организм этого чудовища работал как часы.

— Здесь — костюмерные. Здесь — делают декорации... Эй, рыжая, не лезь, не то испачкаешься... Здесь — ваш репетиционный зал. Занимайте потом место у левой стены, — чекавила Инес, ведя подопечных все дальше и дальше. — А теперь закрыли все рты.

Она приоткрыла тяжелую кулису. «Делегация» из провинциальных девиц замерла. Перед ними открывался ослепительный мир сцены, которая впечатляла своими масштабами. А в центре с удивительной синхронностью двигались артистки кордебалета. Полин узнала танец: они исполняли «Вечер наложниц» из балета на восточную тематику «Лале и Левент». Это была история об отважном царе Левенте, в чей гарем попала прекрасная Лале — дочь его врага. Государь жаждал мести, однако пленница сделала все, чтобы влюбить его в себя. И в один момент, когда Левент этого совершенно не ожидал, гордячка нанесла ему удар в спину...

— Фу, чем это пахнет? У меня даже голова разболелась! — шепнула одна из новеньких.

— О Мирр, за что?! — Инес закатила глаза. Но все же снизошла до ответа: — Это запахи гарема, бестолочь. Мускус, амбра, жасмин, гвоздика... Иллюзия, создаваемая объединением Искр танцовщиц и музыкантов из оркестра. Вы, слабоискрыщиеся, тоже научитесь таким трюкам, работая сообща.

— Правда? — вслух изумились сразу несколько девиц.

— Тихо! — шикнула Инес. — Не то сейчас прогонят!

«Вечер наложниц» подошел к концу. Артистки на секунду замерли в изящных позах, после чего на полупальцах дружно убежали за кулису напротив.

Оркестр начал играть «Соблазнение» — тему Лале. Этим танцем героиня и покорила царя. Полин с нетерпением ждала солистку, но та все не появлялась.

— Стоп! — закричал кто-то в зрительном зале, кого девушки не видели. Музыка резко оборвалась. — Где мадемуазель Марго?

На противоположной стороне сцены люди засуетились.

— А она отошла куда-то! — писклявым голосом крикнула одна из артисток кордебалета, выглядывая из-за кулисы.

— Что значит — отошла? Финальный прогон! — возмутился мужчина. Судя по громкости звука, находился этот человек где-то в первом ряду партера. Его собеседница лишь пожала плечами и скрылась за тяжелой шторой.

Вдруг Полин почувствовала толчок сбоку.

— А ну дайте пройти! — через толпу новоприбывших протискивалась сама Марго Бонье — этуаль Королевского Балета. Девуцы учуяли шлейф дорогих духов — то был запах весеннего дождя вперемешку с легкими цветочными нотами. Аромат ощущался как глоток свежего воздуха после благовоний гарема.

— Девушки, просила же не закрывать проход! — виновато всплеснула руками Инес, хотя ничего подобного она ранее не озвучивала.

— Что за сброд вообще? — не обращая ни к кому конкретному, бросила Марго.

— А это попечитель отобрал в... — начала было Инес, но Марго уже не слушала. Походкой королевы она неспешно двинулась к центру сцены.

— Я здесь, мсье режиссер! Пардон, пудрила носик! — елеиным тоном пропела этуаль.

— «Соблазнение!» Еще раз! — скомандовал мужчина, и оркестр снова заиграл.

Только этуаль начала партию, как вокруг нее сгустился алый туман. Полин моргнула, пытаясь прогнать видение, но дымка никуда не делась, а легла поверх тренировочного лакота и трико танцовщицы, превратившись в прозрачный красный лиф и дерзкие шаровары с разрезами по бокам. Нижнюю часть лица Марго закрыла такого же цвета вуаль. А тонкие руки змеями обвили золотые браслеты, звенящие при каждом движении, несмотря на свое иллюзорное происхождение. «Вот это сила!» — подумала Полин и продолжила замороженно наблюдать. Ей еще никогда не доводилось видеть настолько искрящихся балерин.

Марго Бонье не просто танцевала — она ткала новую реальность. В каждом ее прогибе читалась не только податливость Лале, но и холодный расчет мстительницы. Когда артистка замирала в аттитюде, тонкие браслеты издавали краткий звон приговора Левенту. Иллюзия была настолько мощной, что Полин казалось, что пол под ногами превратился в мягкие восточные ковры с характерным узором. В воздухе ощущались мельчайшие частицы золотистого песка, а «весенний дождь» Марго смешался с розовой водой Лале... О, это нельзя было назвать просто танцем. То была чистая магия — доказательство могущества Мирра.

Полин смотрела на этуаль и вспоминала высказывание Реми о «бездарных девицах». Они с Фифи действительно были лишь канифолью на балетных туфлях этой особы.

— Кода! — потребовал режиссер.

Марго закружилась в фуэте, и воздух вокруг нее заиграл разноцветными узорами, будто девушка находилась внутри гигантского мыльного пузыря. И когда оркестр взял финальный аккорд, эта неведомая субстанция рассыпаясь лепестками заморских цветов на преклонившую перед Левентом колени Лале. И тут этуаль резко повернула голову в сторону кулис, где замерли новенькие. Ее глаза на секунду встретились с глазами Инес, и та вдруг засуетилась:

— Так, посмотрели и хватит! Пойдемте, мне еще много чего вам нужно показать! А потом еще взвешивать вас будут!

Девушки с недовольными вздохами оторвались от сцены и, как гусята за гусыней, посменили за Инес. Когда Полин оглянулась напоследок, она с удивлением обнаружила, что Марго Бонье внимательно смотрит им вслед...

Инес повела подопечных вниз по винтовой лестнице, предварительно сообщив, что театр уходит под землю еще на десять этажей, семь из которых обслуживают сцену. Выразив удивление этим фактом громкими возгласами и присвистываниями, девушки принялись обсуждать увиденное на репетиции.

— Ох, ну как она двигалась — чистый восторг! — произнес кто-то за спиной Полин.

— Да ладно там, двигалась! Как она костюм создала! А цветы-то какие, цветы!.. — откликнулась Фифи, рыжая макушка которой виднелась на пару ступеней ниже.

— Инес! Инес! — вновь раздался голос позади, и Полин даже оглянулась на его обладательницу: то звала смуглая девушка с мясистыми губами. Она слегка перегнулась через перила, высматривая старшую на нижнем витке лестницы.

— Ну что такое? — раздраженно подняла голову та, остановившись.

— Скажите, пожалуйста, а как Марго стала этуалью? — вежливо попросила подопечная.

— Нашла время и место! — рявкнула Инес. И тут же, усмехнувшись, поведала: — Как-как... Когда прежняя этуаль, Катрин Фуко, в свои сорок два года ушла на пенсию, мадемуазель Марго получила свою первую главную роль. Она так искрилась на сцене, что всем стало ясно: вот она, новая звезда!.. Еще вопросы?

— Больше нет, спасибо, — ответила спрашивавшая.

— Ерунда это все, — вдруг раздалось у уха Полин. Справа шагала белокурая девица с круглым, как солнце, лицом.

— Что? — переспросила бывшая ученица мадам Бекю, сомневаясь, что обращаются к ней.

А блондинка наклонилась к Полин и заговорщицки прошептала:

— Вот они говорят, что Марго Бонье произвела фурор своей дебютной ролью, а я слышала, что ей покровительствует маркиз де Бомон! У них там какая-то довольно долгая история...

И снова в мыслях девушки возник проклятый Реми, выходящий из индивидуальной гримерки. Там он был с Марго?

— Но ведь у этуали действительно сильная Искра, и мы все в этом только что убедились, — выразила свои сомнения Полин.

— Ой, просто поверь мне, — скорчила рожицу белокурая попутчица, — неважно, какая у тебя там Искра, без протекции достигнуть высот здесь невозможно!

— Не думаю, что кто-то из нас, слабоискрыщихся, способен занять место Марго Бонье. Да будь хоть сам король покровителем!

— Ну, этуалью никто из нас не станет, это правда. Но связь с правильным мужчиной поможет закрепиться в группе так, что никакая сволочь не посмеет дунуть в затылок! — и блондинка подмигнула.

Полин стало не по себе от этого разговора: ей хотелось верить, что балетная карьера зависит лишь от упорного труда и природных данных, а не каких-то там связей. «Честь дороже золота», — вспомнила девушка любимую фразу Лианы и решила не отвечать девице, дабы завершить этот неприятный диалог. Но та и не думала униматься:

— Вот ты как думаешь, для чего вообще нас отсматривал сам герцог по захолустным школам? Заботился о составе труппы? Ну-ну!

— Я не знаю! Меня вообще отобрал представитель Королевского Балета, а не попечитель! — поспешила отрезать Полин.

— А-а-а, — осеклась блондинка, — понятно.

И наконец отвязалась. Более того — ускорила шаг и быстро оказалась где-то рядом с Фифи. «Что ей там понятно?» — думала Полин, но ответа не находила. Наверное, в картине мира этой девицы гораздо почетнее быть выбранной герцогом или маркизом, нежели профессионалами. Ну и ладно!

— Так! — командным голосом воскликнула Инес пару мгновений спустя. — Мы пришли. Прощу держаться подле меня, здесь небезопасно!

Глава 13

Ознакомление с механизмом сцены на одном из подземных этажей закончилось в тот же миг, когда нелогичные и сумбурные объяснения Инес перебил залиvistый смех одного из машинистов, гревшего уши неподалеку. Девушка стушеввалась и спешно закончила эту часть лекции.

Настало время основательного осмотра склада с реквизитом. Вот уж где новенькие развеселились! И хотя Инес то и дело прикрикивала на ту или иную подопечную с требованием ничего не трогать, ее мало кто слушал. Фифи незаметно для строгой надзирательницы умудрилась потыкать пальцем муляж зажаренного гуся из папье-маше, запустить руку в ящик с хлопковым «снегом» и даже сразиться огромным деревянным мечом с невидимым соперником.

Полин вела себя чуть сдержаннее остальных, потому что мысленно была то в коридоре напротив ухмыляющегося Реми, то за кулисами сцены, с которой на нее пристально смотрела этуаль с тающей вуалью на лице. Но и она не удержалась и потрогала висящие на столбике одного из стеллажей блестящие бусы — те были сделаны из шариков оловянной фольги — и тут же получила по рукам.

— Я же просила ничего не касаться! Вот испортишь, потом кто будет делать новые? Ты? — возмутилась Инес.

Полин лишь обиженно поджала губы и мысленно посетовала на судьбу. Вот так всегда — другие нарушают правила больше и чаще, а стоит чуточку похулиганить ей, как обязательно наругают. А Фифи словно прочла ее мысли — посмотрела с самодовольной и отчасти злорадной ухмылкой, говорящей: «Да-да, меня пронесло, а ты попалась!»

— Инес! — позвала вдруг старшую смуглая девушка с пухлыми губами, и Полин мысленно поблагодарила ее, что перетянула одеяло всеобщего внимания на себя. — Скажите, пожалуйста, а зачем вообще столько реквизита, если есть Искры? Они же могут создать любую иллюзию.

— Истинных Искр нынче мало, — хмыкнула себе под нос Фифи, рассматривая чучело ворона. Она ждала удачного момента, чтобы незаметно подковырнуть ногтем черную бусинку, которая служила птице глазом. — Иначе нас здесь бы не было.

— Реквизит нужен и Искрам. Я бы даже сказала — необходим, — не обращая на рыжую внимания, ответила Инес.

— Но зачем? — изумилась смуглянка.

— Все просто. Если балерина не тратит свою Искру на создание, например... м-м-м... стопки блинов на блюде и, допустим, букета ирисов в вазе, — и Инес поочередно указала на названные муляжи, — то она может сконцентрироваться на чем-то более сложном. Понятно?

— Не очень... — честно призналась девушка.

— Ты же видела сегодня, как Марго Бонье соткала из воздуха наряд Лале? — вопросительно посмотрела на нее Инес. — Между прочим, он был точь-в-точь таким же, как в книге. Так вот... Во время спектакля, когда этуаль не будет бросать силы на воплощение одежды, потому что наденет готовый костюм, она сможет воссоздать жару восточной ночи и даже показать звезды в декоративных окнах такими, какими они видны из Элирии.

— То есть Искра имеет пределы? А я всегда считала, что если она у тебя горит на всю мощь, то можно все-все-все сотворить! — откровенно призналась Фифи в своем невежестве. Полин закивала, потому что до этого момента думала так же.

— Искрящийся, как и любой обычный человек, не способен рассеять внимание на сотню разных вещей, потому что Искра не может «все-все-все», — передразнила старшая балерина слова Фифи.

— А если балерина попытается? Показать и наряд, и звезды, и, там, ирисы на блюде с блинами в вазе, — не сдавалась рыжая.

— Тогда велика вероятность, что артистка ударит в грязь лицом, — развела руками Инес. — Конечно, есть уникамы с мощнейшей Искрой, которая в течение недолгого времени будет удерживать оставленную без внимания мистификацию. Лишь по инерции. Но чем больше балерина концентрируется на одной иллюзии, тем больше страдает другая. Ясно?

— На примере было бы яснее, — молвила Фифи и требовательно поглядела на старшую.

— Что ж, вот тебе пример, — начала она. — Допустим, ты с сильной Искрой танцуешь партию Лале. Швейному цеху ты сказала: «Идите к демонам, я сама создам себе наряд». И создала, как наша Марго.

— Будь у меня такая Искра, я бы еще красивее костюм создала! — выдала рыжая.

— Допустим, — согласилась Инес и продолжила: — Ты в своем замечательном костюме вышла к зрителям. Исполняешь «Соблазнение» и, как подобает талантливой артистке, вживаешься в образ своей героини и погружаешься в историю. В какой-то момент ты рисуешь царские хоромы, ковры, подушки... Тигров, в конце концов, которых держал у себя Левент. Те же звезды в стрельчатых окнах. И сама не замечаешь, как иллюзия твоего наряда развеивается, потому что ты сосредоточилась на других вещах. И не успеет оркестр закончить композицию, как ты уже плясешь на сцене в чем мать родила. Театр будет опозорен.

— Ну-у-у... — почесала голову Фифи и хитро улыбнулась. — Зато в следующий раз зрители перед спектаклем больше биноклей напрокат возьмут! Особенно мужчины!

— Отличный план! — с сарказмом ответила старшая. — Смотри, жены после такого шоу навечно наложат табу на балет. А если серьезно — то повторяю: без реквизита никуда, даже тем, у кого сильнейшая Искра. Не забывайте также про чрезвычайные обстоятельства, которые могут развеять мистификацию. Вы слышали о случае, когда в нашем театре один из зрителей упал с балкона?

Девушки закивали — еще бы не слышали. И хотя эта история произошла давно, она стала легендой, передаваемой из уст в уста. Когда прежняя этуаль, Катрин Фуко, была молода, отвергнутый ею поклонник прямо во время спектакля с криком «Без тебя жизнь — не жизнь!» сиганул вниз.

— Мадам Фуко тогда так перепугалась, что все создаваемые ею иллюзии развеялись, — поведала Инес. — Но, как вы сами знаете, что бы ни случилось во время спектакля — это не повод его отменить. Парня вынесли, а этуаль должна была закончить партию. Из-за шока ее Искра не горела... Причем не только в тот вечер. А еще месяц где-то... Надеюсь, у вас больше нет сомнений в необходимости реквизита и декораций?

— Нет, никаких, — дружно закачали головами девицы.

— Вот и отлично... Эй, кто разрешал тебе это брать? — переключила свое внимание Инес на белокурую шалунью с круглым лицом, которая попыталась примерить шлем с рогами. — Так, все! С меня хватит! Марш на взвешивание!

Хорошее настроение девушек тут же улетучилось. Если в некоторых балетных школах на контроль за весом танцовщиц смотрели сквозь пальцы (учебное заведение мадам Бекю в это число не входило), то о наказаниях в театрах за лишние плюмы были наслышаны все. Однако сейчас Полин шагала на обязательную процедуру без особой тревоги, разве что необходимость раздеться догола не очень радовала. Но предварительное взвешивание перед отъездом и скудное питание в дороге сулили такую цифру, за которую краснеть не придется.

Увы и ах...

Секретарша, запустившая девушек в небольшое прохладное помещение, наконец позвала Полин, и та, дрожа от сквозняка, ступила на холодную платформу чугунных весов. Они отозвались недовольным лязгом. Гирька на рычаге медленно поползла вправо. Полин замерла, чувствуя спиной заинтересованные взгляды подруг по унижению.

— Шеро... — вдруг заговорила женщина со складками скорби у рта. — Два лишних плюма по сравнению с ведомостью мадам Бекю. Что, не успели приехать, а уже проложили себе дорогу в столичные кондитерские?

— Как? — не поверила своим ушам Полин. А потом ткнула пальцем в нужное деление рычага. — Весы показывают тридцать шесть плюмов! До отъезда я была тридцать семь вообще.

Секретарша лишь молча показала документ девушке. Та взгляделась: размашистым почерком мадам Бекю было указано число и в скобках прописано: «Тридцать четыре». Полин горько вздохнула. Ее выходка перед отъездом не осталась без наказания. Директриса все же нашла способ отплатить за прилюдно нанесенное ей оскорбление.

— Но ведь тридцать шесть плюмов тоже в пределах нормы, — неуверенно произнесла Полин.

— Да, но относительно вас документально заявлено иное! — сухо парировала женщина, тряся бумагой перед лицом новенькой. — И, судя по дате ведомости, вы за неделю умудрились набрать столько, сколько балерины месяцами набирают! За это полагается наказание.

— Наказание? — грустно переспросила девушка.

— Оно самое, — хладнокровно подтвердила секретарша. — Штрафом вас облагать пока не имею права — вы еще не получали жалованья. Потому поступаете на два часа на службу к мадам Дрю. Она найдет вам применение. И да. К следующему взвешиванию вы должны вернуться к исходному значению!

— Эй, не вешай нос, — шепнула вдруг Инес, когда Полин спустилась с платформы весов и подошла к остальным. — Мадам Дрю хорошая! Скажи спасибо, что ты не попала к ее сменщице! Она бы тебя загоняла!

Полин лишь попыталась улыбнуться в ответ. Вышло не очень правдоподобно. Отработка у мадам Дрю девушку не страшила. А вот необходимость похудеть до веса, которого у нее не было лет с четырнадцати, по-настоящему пугала. Что же, ей теперь совсем не есть?

Глава 14

— Как, говоришь, тебя зовут? Полин? Что ж, присаживайся, Полин, — мадам Дрю указала на узкую табуретку рядом с собой за столом. — Как хорошо, что тебя ко мне прислали на выручку! Как раз почту разобрать надо — сегодня ее как никогда много.

И женщина придвинула к опальной балерине картонный ящик, набитый разного рода корреспонденцией.

— Если на конверте или открытке видишь имя артистки — вот тебе полный их список сверяться — то это, скорее всего, послание от поклонника. Складывай их вот в эти ячейки. По алфавиту, — инструктировала мадам Дрю. — А если на конверте как получатель указан наш директор, мсье Бернар, или в отправителях значится какая-то инстанция, то письмо официальное — отдавай такие мне.

Занимаясь этой непыльной работой подле мадам Дрю, Полин немного успокоилась. И хотя дежурная была немногословна, ее присутствие дарило девушке ощущение, что она под защитой сильной взрослой женщины. А может, она просто увидела в ней Лиану? Кстати, неплохо было бы купить с жалованья самую красивую открытку и отправить бывшей воспитательнице. Вот, например, как эту! Полин внимательно рассматривала портрет розовощекой малышки с золотыми кудрями и крылышками за спиной. Она задумчиво смотрела вдаль, подперев голову пухлыми кулачками. Лиане точно бы понравилось! Девушка глянула на оборот и прочла: «Для Марго Бонье. С любовью, навеки ваш С». Очередное послание для нее. Вот оно что — быть этуалью, быть Искрой!

— Тут почти все — для мадемуазель Бонье! — озвучила свои мысли Полин.

— Да, нашей красавице Марго ежедневно присылают письма и подарки. Но сегодня их особенно много, — подтвердила мадам Дрю.

Вдруг входная дверь служебного входа заскрипела и нехотя показала вихрастого мальчишку в коротковатых брюках. Тот, помогая себе плечом, пытался протиснуться внутрь с огромной корзиной роз лавандового цвета в руках. Коридор тут же утонул в умопомрачительном аромате, в котором легкая сладость бутонов смешалась с запахом свежесрезанных стеблей.

— Для мадемуазель Бонье! — отчеканил посыльный, и мадам Дрю красноречиво посмотрела на Полин, мол, о чем я и говорила.

— Оставьте здесь! Я передам! — пообещала заведующая.

— Я должен доставить немедленно! — настоял паренек.

— Молодой человек, этуаль готовится к спектаклю! Негоже ее отвлекать! — не уступала и Дрю.

— Это срочно! Оплачено! Маркизом де Бомоном!

— Ах, де Бомоном... — на лице дежурной отразилось понимание. — Что ж, тогда дело не терпит отлагательств. Моя помощница отнесет прямо сейчас. Полин, поднимайся!

Растерянная девушка встала и приняла из рук посыльного тяжелую как булыжник корзину, после чего под его пристальным взглядом обогнула стол дежурной. Убедившись, что никто не собирается задерживать букет, мальчишка коротко попрощался и удрал.

— Полин, стой! Мадемуазель Бонье два раза лучше не отвлекать! Отнесешь заодно и письма, — решила вдруг мадам Дрю. — Поставь пока букет вот сюда и отыщи в оставшейся почте корреспонденцию на имя этуали!

Полин вернулась к ящику и принялась спешно перебирать нерассортированные письма. Ей априори не нравилась идея быть на побегушках у проклятого Реми, но перспектива задержать его срочный подарок и тем самым навлечь на себя беду нравилась еще меньше. О Мирр, а это еще что? Девушка держала в руках тонкий белый конверт без почтовых отметок. На нем печатными буквами было написано: «Полин Шеро». Это какая-то шутка? Бросив взгляд на

мадам Дрю и убедившись, что та не смотрит, юная балерина сунула письмо в стопку посланий для Бонье, чтобы потом выудить его на пути к гримерным.

— Кажется, я собрала все для мадемуазель Марго! — отрапортовала Полин.

Мадам Дрю в это время поправляла бант на корзине с розами. Она секунду полюбовалась своей работой, склонив голову к плечу, а потом вздохнула и дала добро:

— Забирай цветы и бегом в гримерку этуали!

Зажав под мышкой стопку писем вперемешку с открытками, Полин двумя руками подняла корзину и прижала к груди. Неудобно как! Еще и куст этот прямо в лицо! Пытаясь разглядеть дорогу и не выронить букет, девушка двинулась к гримерным: маршрут она уже знала.

— Смотри не урони! — предостерегла мадам Дрю, словно прочитав мысли помощницы.

Как только Полин и дежурную разделили два поворота, девушка остановилась и, присев на корточки, осторожно поставила корзину на пол. Во-первых, хотелось встряхнуть руками и взять эту увесистую заразу поудобнее. Ну а во-вторых... Во-вторых ли? В общем, девушке не терпелось распечатать письмо, которое было адресовано ей. Воровато оглядевшись по сторонам, Полин быстро отыскала среди корреспонденции для Марго нужный конверт и вскрыла его. Внутри была сложенная пополам разлинованная бумага, край которой был рваным. Лист явно выдрали наспех из записной книжки.

Дрожащими от волнения руками Полин развернула записку и прочла: «Если тебе дорога жизнь, убирайся отсюда как можно скорее!» Сердце заколотилось. «Если дорога жизнь...» Но что здесь может угрожать? Или меня пытаются запугать просто? Но кто же это отправил? Наверняка, проклятый Реми де Бомон! Хотя... Нет, это точно не он. Зачем маркизу писать анонимные послания печатными буквами, если за ним уже заржавело сказать практически то же самое лично? «Тут тебе не место!» Это ведь можно трактовать как «Убирайся!»? Наверное, да... Тогда кто еще это может быть? Уж не Фифи ли? Ей-то никто ничего подобного не прислал. А также у рыжей была возможность сегодня бросить письмо в ящик на столе Дрю. Но откуда она могла знать, что у дежурной оставляют почту? Хм, надо обдумать... Но позже, сперва — Марго! И девушка сунула записку вместе с конвертом в карман. Сделав несколько глубоких вдохов и выходов с целью успокоиться, она снова взяла свою ношу и продолжила путь к гримерным.

— Войдите! — раздалось за дверью, когда Полин, пытаясь удержать одной рукой корзину и подперев ее для надежности поднятым коленом, осмелилась постучать в гримерную этуали.

Девушка нажала на ручку двери, взялась за корзину обеими руками, и точь-в-точь как мальчишка-посыльный, проложила себе путь плечом.

— Две недели без тебя — это слишком много, Абелия! Давай ты возьмешь меньше отгулов? — услышала она в этот самый момент. Видимо, у этуали была гостья, к которой она обращалась. Марго явно была не намерена прерывать разговор, чтобы уделить внимание какой-то там посланнице.

— Мне самой не хочется уезжать. Но я должна поддержать мать, она прикована сейчас к постели, — отвечала присутствующая. Вдруг она взвизгнула: — О Мирр, какая красота! Марго, ты только полюбуйся!

Выглядывая поверх лиловых бутонов, Полин рассмотрела гостью — то была незнакомая ей девушка с каштановыми волосами. Одета она была в желтый костюм в восточном стиле. Вероятно, подруга мадемуазель Бонье. Она расположилась на комодке, болтая ногами. А у другой стены, сидя к компаньонке спиной, красила лицо сама этуаль. И она была практически без одежды! Если не считать таковой тонкую полупрозрачную сорочку.

— Кажется, я знаю, из какой оранжереи эти цветы. Поставь мне их сюда! — и Марго изящно изогнутой ладонью похлопала по табуретке у гримерного столика.

Полин с чувством облегчения, что наконец-то пришло избавление от груза, исполнила просьбу. Как только корзина оказалась рядом, Марго, не обращая ни малейшего внимания на

стоящую рядом девушку, провела ладонью по нежным бутонам и извлекла крохотную записку, зажатую в одном из них. Спешно развернула ее.

— «Мне не хватит слов, чтобы выразить мое сожаление. Но сегодня, увы, мне не выпадет честь стать свидетелем вашего очередного триумфа, и виной тому — непреодолимые обстоятельства. Надеюсь, вы не затаите обиды. С уважением и любовью, Реми де Бомон», — зачитала этуаль и тут же выругалась: — Вот же проходимец! Я так надеялась увидеть его сегодня на спектакле! Мне нужно было хоть одно человеческое лицо среди морд всех этих упырей! А он...

И Марго резко швырнула записку на пол, заставив Полин дернуться от неожиданности, после чего закрыла лицо ладонями. Тем самым она размазала еще не подсохший грим, но ее это совершенно не заботило. Подруга этуали вдруг соскочила с комода, подбежала к ней и обняла за плечи сзади.

— Ну не надо, дорогая! — проговорила она ласковым тоном. — Может, там и правда неотложные дела возникли!

— Ты не понимаешь, Абелия... — Марго всхлипнула. — Я теряю его... Я, мать твою, теряю его!

И она разрыдалась в голос. Полин была обеспокоена, но совершенно дезориентирована. Она лишь переступала с ноги на ногу и не понимала, что ей нужно предпринять. Девушке не хотелось быть свидетелем слабости блистательной Марго, но не сочтут ли подруги ее молчаливый уход грубым и бестактным? Еще требовалось отдать письма... Но, видит Мирр, момент совершенно неподходящий. Вдруг Полин заговорила — слова вырвались прежде, чем она успела обдумать их уместность:

— Марго, не плачьте! Он не стоит ваших слез!

Две пары глаз уставились на нее в недоумении. Абелия скорчила недовольную гримасу, после чего перевела взгляд на Марго — ожидала реакции подруги. А та, игнорируя текущий по щекам грим, который еще недавно был стрелками для роли Лале, заинтересованно рассматривала посланницу. Этуаль так долго не отводила взгляд, что Полин смогла различить свое отражение во влажных от слез глазах. Внезапно Марго запрокинула голову и засмеялась, обнажив идеально ровные зубы.

— Ничего не стоит? Ты знаешь? А ты кто такая вообще? И что тут делаешь? — произнесла она ядовитым тоном, продолжая улыбаться. Если бы можно было выключить в гримерной звук, показалось бы, что с таким выражением лица Марго говорит что-то безумно приятное.

— Я... Я почти должна вам отдать. Вот, — смущенно протянула Полин стопку писем, но этуаль даже не взглянула на них, продолжая изучать лицо девушки.

— А я тебя видела сегодня. Ты стояла за кулисами вместе с этой курицей Инес. Значит, из новеньких — которых герцог помогал отбирать. Тебя как зовут?

— Полин. Полин Шеро, — ответила девушка.

Марго не отреагировала, лишь еле заметно сузила глаза, будто пытаясь рассмотреть собеседницу получше. Через несколько мучительных мгновений этуаль снова заговорила:

— Да выброси ты их! — указала она подбородком на письма, которые Полин все еще держала на весу. — Урна позади тебя!

— Выбросить? — переспросила Полин. — А если тут что-то важное?

— Смешная... — скривила рот Марго. — Важные письма я получаю на адрес своих апартаментов, а сюда всякий сброд пишет. Не хватало мне еще этот бред сумасшедших читать.

Полин, чувствуя себя как под прицелом, повернулась к подругам спиной и сделала пару шагов к урне, что стояла у двери. Помедлив чуть-чуть, она, слегка присев, нехотя опустила письма в урну.

— Да не жалеешь ты! — снова рассмеялась Марго, но в этом смехе не чувствовалось веселья. — Вот будешь корифейкой или даже этуалью, сама узнаешь, каково это — получать этот мусор.

— Вы шутите? Не буду я ни корифейкой, ни этуалью, — ответила с усмешкой Полин, снова повернувшись к мадемуазель Бонье. — У меня слишком слабая Искра.

— Искра слабая, плак-плак, — Марго скривилась и выпятила нижнюю губу. — Сама скромность, сама простота! Полюбуйся, Абелия!

Та выглядела малость озадаченной, но все же перехватила взгляд подруги и усмехнулась в ответ, поддерживая эту игру. Полин же сжала кулаки: кажется, ей снова предстояло себя защищать. Но вдруг этуаль изменилась. Ее красивое лицо исказила оскаленная гримаса, как у бешеного животного, и она закричала истеричным тоном:

— Я знаю! Я все знаю! Ты пришла взять свое! Ты пришла отнять у меня все!

Полин попятилась к двери: этуаль была явно не в себе. Она начала размахивать руками и опрокинула несколько баночек с гримом. Потeki красной и черной красок поползли по столу, сливаясь в гипнотический узор и устремляясь через край на пол ленивыми жирными каплями.

— Твой трон будет стоять на крови! Запомни: он будет стоять на крови! — продолжала рычать Бонье, брызжа слюной и тыча в Полин пальцем.

— Марго, тише-тише! Все хорошо, дорогая, успокойся. — попыталась унять ее Абелия, прижимая к себе со спины. А потом обратилась к Полин: — Ты что, не замечаешь, ей нехорошо? Уходи скорее! И забудь, что ты здесь видела! Будешь болтать — пеняй на себя!

Полин только и рада была покинуть наконец этот бедлам, потому рванула к выходу. Закрывая за собой дверь, она услышала:

— Она пришла забрать у меня все, Абелия, — уже плакала Марго. — Я ненавижу ее!

— Ш-ш-ш, все хорошо, никто ничего у тебя не забирает! Ты самая лучшая, ты самая красивая... Самая талантливая у меня... Давай умоемся, милая, спектакль через час...

Глава 15

Полин сидела в партере — шел спектакль «Лале и Левент». На сцене блистала Марго в алом костюме, украшенном набедренной повязкой со звенящими монетками — она снова исполняла «Соблазнение», но уже для зрителей. И когда этуаль делала плавные движения гибкими, как змеи, руками, зазывая царя, она искренне улыбалась. Как будто и не было истерики накануне.

Прекрасна, демоница!

В воздухе витал запах восточных пряностей, где-то вдалеке стрекотали цикады, ничуть не мешая мелодии, зрители были приятно расслаблены, будто глотнули вина из царских погребов — то были дары Искры.

Марго принялась крутиться в фуэте. Полин уже знала: этуаль вот-вот встанет на колени, и ее обдаст цветочным дождем к изумлению публики.

Наконец музыка стихла. Марго-Лале опустилась на пол, потупив покорно взор. На сцену посыпались лепестки роз нежного лавандового цвета, которые не очень вписывались в восточную тематику. Вдруг этуаль резко вскинула голову, глядя куда-то позади Полин. Глаза этуали расширились от изумления и восхищения. Губы разомкнулись — Марго что-то говорила, но не доносилось ни звука.

Ведомая любопытством, Полин оглянулась. И с ужасом обнаружила, что в кресле прямо за ней сидел Реми де Бомон. Зал был пуст, но мужчина почему-то выбрал именно это место. Он перевел взгляд со сцены на Полин и начал подниматься.

— Твой черед танцевать! — приказал он, возвышаясь над девушкой. Его пальцы, холодные, словно лед в погребках Левента, сомкнулись на ее плече.

Полин хотела вскрикнуть, но горло забила сухая, горячая пыль. Балерина лишь глотала воздух, не в силах издать звук. Реми же держал ее мертвой хваткой, не реагируя на немые всхлипы пленницы.

Внезапно зал начал погружаться в темноту, а роскошная золотая люстра высоко над головой маркиза начала сужаться до пламени небольшой свечи...

— Шеро, проснись. Ты бредишь! — склонилась над Полин растрепанная Фифи. — О Мирр, какая ты горячая!

— Что я говорила? — спросила Полин, возвращаясь в реальность. Голова болела так, будто по ней молотком стучали всю ночь.

— Ты кричала про какие-то цветы. Что они не того цвета, — поведала Фифи, отойдя на пару метров, чтобы смочить тряпицу водой из кувшина. Вернулась, поставила свечу на тумбочку у кровати и начала разглаживать влажную ткань на лбу соседки. — Наверное, снилось, как принимаешь букеты от поклонников. А им трудно тебе угодить...

Полин смежила веки. Образ Реми из сна, холодного, властного, все еще стоял перед глазами. К нему присоединилась и Марго из воспоминаний, беспомощно рыдающая. Кричащая о каком-то троне на крови... Мысли путались, и вдруг одна из них, острая и колючая, заставила девушку окончательно проснуться. Записка в кармане платья! Пожалуй, немного блефа лишним не будет.

— Фифи... — Полин с трудом выдавила имя бывшей подруги. — Скажи честно, зачем ты это сделала?

Рыжая замерла, ее пальцы на мгновение сжали край одеяла.

— Сделала что? Смочила тряпку для твоего лба? Поверь, я тоже не заинтересована, чтобы ты разболелась. Я тут живу с тобой в этой конуре, вообще-то!

— Нет, — Полин через силу повернула голову, вглядываясь в глаза соседки. При свете единственной свечи казалось, что в них пляшут демонята. — Я про письмо на мое имя. «Убейся, если хочешь жить». Это ведь ты подбросила его в ящик с почтой на посту мадам Дрю? Фифи замерла. Неужели действительно она? Во взгляде — замешательство.

— Убейся... — с печальным смешком повторила она. — Если бы я хотела тебе досадить, я бы подсыпала слабительного порошка в качестве приправы к галетам от Лианы, которые ты до сих пор не выкинула. А пора бы, между прочим... Или завязала бы мелкие узелки на лентах твоих балетных туфель. Так, чтобы никто развязать не смог. А вот заморачиваться с письмами — не мое.

— Значит, не ты...

Рыжая скорчила гримасу обиженной добродетели и холодным тоном произнесла:

— Знаешь, Шеро, я, конечно, была далека от звания идеальной подруги даже в лучшие годы в школе мадам Бекю. Но такое даже для меня слишком... И я не ожидала, что ты обо мне такого мнения.

— Один-один... — прошептала Полин, прикрыв глаза. — Я тоже не ожидала, когда ты предъявила мне за нечестность на отборе и шашни с проклятым Бомоном. А сама

— Что — сама? — неожиданно грубо спросила Фифи.

— Ну, Лиана тебя видела у кареты герцога рано утром... А потом Розетту заменили тобой. Совпадение?

— Да, представь себе! Совпадение! — рявкнула рыжая в ответ, не глядя на соседку. А потом резко схватила свечу и задула ее.

Пару мгновений спустя Полин услышала, как Фифи шумно устраивается на своей койке — старые пружины скрипели на всю комнату.

— Проклятое одеяло! Не понять, где какая сторона! — возмутилась вполголоса девушка. Когда она наконец улеглась и пару раз глубоко вздохнула, то вдруг произнесла: — Слушай, Шеро, а может, тебе не помешало бы прислушаться к этому твоему анонимному доброжелателю? Валила бы ты к демонам отсюда, а?

— Только вместе с тобой! — злобно буркнула в ответ Полин и отвернулась к стене.

«Что же делала Фифи тогда рядом с аристократами? О чем с ними договаривалась? Она что-то пообещала в обмен за место в труппе? Или что-то сделала?» — задавалась вопросами девушка. Видит Мирр, рыжая отчитываться за свои поступки была не намерена. Ишь как разнервничалась, стоило только упомянуть утро после отбора! И явно не на пустом месте. Мучает совесть из-за Розетты? Ведь не такая она уж и черствая...

— Фийон, — несмело позвала Полин, чуть приподнявшись.

— Что? — пробасила недовольным тоном Фифи.

— Я хотела сказать спасибо. За тряпицу и вообще... что позаботилась обо мне, — объяснилась девушка.

В ответ не донеслось ни звука, и Полин, прождав несколько мгновений, снова опустила голову на подушку в надежде поскорее уснуть. И только тогда в темноте сырой комнаты раздалось:

— Не за что...

Утро Полин началось не лучшим образом. Она проснулась ни свет ни заря от чувства тошноты, наспех накинула поверх ночной рубашки халат и побежала в сторону уборных в конце коридора, зажав рот ладонью. К счастью, в такую рань там никого не было.

«Может, и правда пора уже было выбросить галеты, а не ужинать ими. Наверное, в них плесень поселилась», — рассуждала девушка на обратном пути. Из-за работы на побегушках у мадам Дрю балерина не успела на ужин, потому утихомиривала урчащий желудок выпечкой от Лианы. Она ограничилась лишь парой штук, поскольку перед ней вчера поставили задачу сбросить лишние плюмы, но, судя по всему, их оказалось достаточно для отравления. Теперь

же Полин отметила, что ей определенно полегчало: коридор больше не качался как корабельный трюм.

Девушка шагала в свое пристанище, как вдруг дверь одной из комнат открылась, выпуская наружу темноволосого парня приятной наружности в одних только холщовых брюках и с полотенцем на плече. Полин от неожиданности чуть не подпрыгнула.

«Что? Здесь живут не только девушки?» — с изумлением подумала она, судорожно запахивая халат. Школа мадам Бекю была женской, и даже мужские роли в постановках играли ученицы. Правда, такие партии не включали в себя необходимость поднимать и удерживать партнершу.

«Нет, ну оно понятно, что в Королевском Балете выступают и мужчины. Но зачем им жить бок о бок с нами?» — причитала про себя Полин. Она только что представила, в каком виде ее мог застать этот молодой человек в коридоре, если бы проснулся чуть раньше, и испытала дикий ужас.

Меж тем парень, лениво шаркая по полу домашними туфлями и зевая, почти поравнялся с Полином. Он поднял взгляд, и зрачки его теплых карих глаз слегка расширились.

— Привет! — добродушно произнес он.

— Привет... — смущенно повторила девушка, не сбавляя шаг и стараясь не смотреть на его обнаженный торс.

— Да погоди ты, я не кусаюсь! — рассмеялся бесстыдник, и Полин все же остановилась. Но от греха подальше сделала это в метре от него. — Я тебя здесь еще не видел. Наверное, из новеньких? Как тебя зовут?

— Полин, — ответила девушка, все так же стараясь не пялиться на безупречно вылепленные Его Величеством Балетом плечи, грудь, живот...

— А я Луи. Приятно познакомиться, Полин! — он сделал шаг и протянул ей руку.

Бывшая ученица мадам Бекю не сразу сообразила, чего он от нее ждет. А когда наконец поняла, то пожала его ладонь так невесомо, что парень еще раз рассмеялся.

— Эй, это всего лишь рука, а не какая-то там жаба! Неужели я такой неприятный?

— Все нет... — ответила девушка и залилась румянцем. А потом озвучила гениальное оправдание: — Я просто... спешу.

— Ну, раз спешешь, то лети, пташка, — позволил Луи, хитро прищуриваясь. — Надеюсь на скорую встречу!

— Спасибо! — невпопад ляпнула Полин первое, что пришло на ум, и шустро зашагала прочь, жмурясь от своей неловкости. Да-а-а, общение с мужчинами — точно не ее конек. А ведь с ними еще и танцевать придется, если повезет закрепиться в труппе.

Наконец отрезав себя от смешливого взгляда Луи дверью собственной комнаты, Полин выдохнула.

— Зачем так грохотать? — проворчала Фифи, приподняв лохматую голову над подушкой. — Ты что, в сарай пришла?

— Извини, — спешно бросила Полин и на цыпочках прошла к своей кровати, чтобы заправить ее.

— Если тебе интересно мое мнение, — снова заговорила соседка. Она откинула одеяло и села на кровати, — я думаю, что записку тебе написала та губастая, которая вчера все про Искру у Инес выпытывала!

— Почему ты так думаешь? — девушка замерла с покрывалом в руках и наострила уши в надежде услышать весомые аргументы.

— Да она в целом странная какая-то! Все зыркала глазами своими, все ей расскажи! Сразу ясно — такая по головам пойдет! — высказала свои выводы Фифи.

— Ну, не знаю... — засомневалась Полин. — Не думаю, что ее интерес говорит о таких вещах

— Да ты вообще лицо ее видела? — выпучила глаза рыжая.

— Да, а что с ним не так? — застыла ее соседка.

— В этом лице вообще никакой совести! — воскликнула Фифи таким тоном, будто объясняет совершенно очевидные вещи. — И еще губы эти ходуном... У-у-у, проходимка!

В ответ на логику этих доводов Полин лишь пожала плечами и продолжила приводить постель в порядок. А она уже стала забывать, какой бывает Фифи... Странно, что с такой подозрительностью рыжая некогда подпустила к себе ее. Хотя, возможно, без миролюбивой Жюли они и не общались бы. То-то дружбе пришел конец, стоило только вмешаться внешнему миру в их изолированный мирок балетной школы.

Но все-таки: кто же написал записку с советом убираться отсюда? А главное — стоит ли ей верить?

Глава 16

Педагог-балетмейстер, который поприветствовал новеньких в репетиционном зале, оказался мужчиной лет сорока с поседевшими висками и задорными морщинками у внешних уголков глаз.

— Меня зовут Антуан Робер, но вам дозволено звать меня «мсье Робер»! В ближайшие две недели я буду давать вам экзерсисы. Далее состоится смотр, и некоторые из вас уже попадут в состав «Б». Это, так сказать, труппа запасных, — сообщил он, манерно держа руки домиком под слегка опущенным подбородком.

Девушки заняли места у станков. Мсье сделал драматичный полупоклон в сторону фортепиано:

— Теперь позвольте вам представить нашего аккомпаниатора — неповторимую мадам Юппер. Невысокая женщина с узенькими плечами никак не отреагировала. Она продолжала сосредоточенно перелистывать ноты, нахмутив брови.

— Мадам Юппе-е-ер! — пропел ласково педагог. Ноль эффекта. Та занималась своими делом и не слышала ничего вокруг.

А потом мсье Робер закричал так громко и так резко, что юные балерины подскочили все как одна от испуга:

— Мадам Юппер!

Женщина наконец оторвалась от своих бумаг, ойкнув. Она слегка привстала, коротко кивнула с пустым взглядом, вернулась на место и снова принялась завороченно шелестеть нотами.

— Также хочу отрекомендовать вам своего помощника, — продолжил педагог и указал раскрытой ладонью на стул позади себя. На сиденье лежало нечто похожее на меховую муфту черно-белого цвета. — Мсье Зефир, прошу любить и жаловать!

Вдруг эта самая «муфта» зашевелилась и смачно зевнула, показав заинтригованным танцовщицам ярко-розовый рот с мощными клыками. А потом открыла желтые глаза со зрачками-щелочками и с любопытством оглядела собравшихся. То был кот, упитанный и холерный. С милейшей изюминкой — темным родимым пятнышком в виде кляксы на треугольном носике.

Девушки с радостными визгами захлопали в ладоши, но балетмейстер шикнул:

— Тише! Зефир не приемлет невоспитанности! Приступим же к экзерсису!

Несмотря на некоторую слабость, оставшуюся после ночного кошмара и утреннего недомогания, Полин почувствовала себя комфортно в классе мсье Робера. Уж очень этот педагог и его «свита» расположили ее к себе. А она-то ожидала увидеть кого-то в духе мадам Бекю. Что же, Мирр ее приятно удивил.

Каждая из новеньких старательно выполняла команды балетмейстера: приседала в демиплие и делала несколько батман-тандю в сторону, прогибалась в пор-де-бра. А потом повторяла то же самое, развернувшись у станка. Лишь бы не упустить свой шанс попасть в труппу! Полин обратила внимание на смуглую девушку с полными губами, вспомнив слова Фифи. Теперь она знала ее имя — Джин. Педагог спросил его перед тем, как дать девушке замечания по технике.

«Может, записку и правда написала Джин? Но с таким же успехом любая из присутствующих здесь должна быть среди подозреваемых. Но зачем им это?» — думала бывшая ученица школы мадам Бекю.

— Плие! Тан-лие! Полупальчик! И другим носочком в пол! — командовал мсье Робер, пока девушка перебирала версии происхождения зловещего письма. Она даже не заметила, как учитель подошел прямо к ней. — Очень хорошо, милочка! Как тебя зовут? Полин? У тебя умные стопы! Великолепно! И он двинулся дальше — к Фифи, танцующей позади.

— А тебя у нас как зовут? Приятно... Чистые линии, но носочек можно еще больше вытянуть. Так, да. Фиксируй! — раздавал балетмейстер советы, а потом переходил к следующей комбинации. — Четвертая позиция. Подняли заднюю ножку. И — тянем носочком!

Вдруг мсье Робер остановился как вкопанный и резко крикнул:

— А ну стоп! Все замрите!

Музыка стихла. Мадам Юппер заинтересованно выглянула из-за фортепиано.

— Вы только посмотрите на это! Какая утонченность, какая грация! — восклицал педагог. А потом воздел руки к небесам: — О Мирр, ну какое же совершенство ты сотворил! Да это же идеал!

Девушки опустили свои многострадальные конечности на пол и принялись недоуменно оглядываться по сторонам. Пытались выяснить, кто из них настолько впечатлил преподавателя, что тот не смог сдерживать чувств.

— Неземное изящество! Вот с кого надо брать пример! — с обожанием в голосе учитель вдруг указал пальцем на мсье Зефира. Котюра растерялся от всеобщего внимания и замер с поднятой задней лапой — мгновением ранее он ее тщательно вылизывал.

— Вот каким должен быть гранд батман! Полюбуйтесь, как он тянет ножку! — продолжал мсье Робер, указывая на кошачью подушечку с растопыренными толстенькими пальчиками. Мсье Зефир тут же продолжил ее вымывать, всем своим видом демонстрируя, что ему и дела нет до чьей-либо оценки. Но уши продолжал держать поднятыми.

Девушки вовсю заулыбались: это экспрессивное проявление любви человека к питомцу стоило прерванного занятия. Мсье Зефир же опустил заднюю лапу, неуклюже завалился на свой пушистый копчик и без стыда и совести принялся за гигиенические процедуры более интимного места. Ученицы дружно захихикали, закрыв рты ладонями. Педагог же, тоже смеясь, подбежал к любимцу и закрыл его собой, встав к стулу спиной и раскинув руки в стороны.

В этот самый момент раздался стук в дверь, после которого она сразу же с невозможным скрипом отворилась. На пороге репетиционного зала возник не кто иной, как герцог Анри де Бомон собственной персоной. Помещение наполнил запах удового дерева.

Смех тут же прекратился.

— Я прошу прощения за вторжение, мсье Робер! Я не слишком вам помешал? — осведомился попечитель театра. Однако уверенные движения аристократа говорили о том, что едва ли бы он убрался восвояси, ответ балетмейстер на его вопрос утвердительно. Но тот ожидаемо сообщил:

— Нет-нет, мы как раз сделали небольшой перерыв на... отдышаться!

— Что ж, значит, мне повезло. Я как раз хотел поприветствовать новоприбывших девушек лично... Если вы позволите.

— Конечно-конечно! — поспешил ответить мсье Робер и отошел в сторону, давая попечителю пространство.

Визитер удовлетворенно кивнул и обратился к застывшим в выгодных позах девицам:

— Я рад, что вы все добрались сюда в добром здравии. Надеюсь, устроились вы хорошо, а ваши комнаты в пансионе вас не разочаровали.

Испытывая трепет перед этим властным человеком, девушки послушно закивали головами, как джунтонгские болванчики. Ни одна не отважилась пожаловаться на сквозняки из всех щелей или вездесущих тараканов.

Полин показалось, что смотрит Анри де Бомон куда-то прямо позади нее. На Фифи? Она оглянулась — рыжая стояла и улыбалась во все тридцать два, от чего ее ямочки на щеках выглядели еще очаровательнее. «Что же делала Фийон тем утром у кареты герцога?» — снова задалась вопросом Полин.

— Что ж, приятно слышать, что вы всем довольны! Но я хочу проявить чуть больше радушия к новым звездам! — заинтриговал аристократ. Пару мгновений он наслаждался про-

изведенным эффектом, а потом добавил: — Вы приглашены на прием в мое загородное поместье «Синие тени», который состоится в конце недели! Экипаж я беру на себя!

Девушки все до единой застыли с раскрытыми ртами, не веря в происходящее. А вот мадам Юппер нахмурилась. Балетмейстер тоже помрачнел.

— Я прошу меня извинить за непрошеное мнение, — начал он вдруг, нервно теребя пуговицу на сюртуке, — но девочкам, наверное, правильнее было бы сперва адаптироваться в театре, а великосветские приемы посещать уже после зачисления в труппу. На носу — важный экзамен. Ваше мероприятие может... немного сбить их с толку.

Герцог тут же обратил на него недобрый взор:

— Вы так думаете, мсье Робер? — изобразил он искренний интерес. — Что ж, осмелюсь предположить, что в вас говорит излишняя суровость к ученицам. Мы все знаем, что это не редкость для театральных педагогов. Особенно для холостых и бездетных.

Аристократ пристально поглядел в глаза балетмейстеру, а тот словно сжался — чтобы стать незаметнее.

— Но уверяю вас, отдых за городом в приятной компании пойдет только на пользу мадемузелям. Они порядком измучены долгой дорогой, сменой обстановки и изнуряющими занятиями. Разве девушки не заслужили немного развеяться? — поднял бровь герцог.

— Заслужили, разумеется, — сдался собеседник.

— Что и требовалось доказать... Больше не смею вас задерживать. Продолжайте урок, мсье Робер! — не переставая сверлить педагога взглядом, приказал де Бомон. — И не теряйте бдительности с вашим питомцем — говорят, коты не любят громкие звуки. А у вас тут и музыка, и красавицы звонкие... Вдруг животное сбежит, а вы потом не найдете.

Полин заметила, что балетмейстер на секунду сжал кулаки, но тут же опомнился и расслабил кисти. Однако Анри де Бомон уже не смотрел на него. Он неторопливо повернулся к девушкам и произнес то, от чего у бывшей ученицы мадам Бекю мурашки побежали по коже:

— Ах, да. Отказы не принимаются.

И попечитель откланялся.

— Так! Первая позиция! — без дополнительных прелюдий потребовал мсье Робер, как только дверь за аристократом закрылась. От прежней веселости педагога не осталось и следа. — Пор-де-бра! Назад... Пор-де-бра направо... Нале-е-во... Арабеск на правую ногу! Постоим немного... Теперь на левую... Постоим! И-и-и... закрыли! Всем спасибо!

Раздались аплодисменты. Мсье Робер спешно поклонился, прижав ладонь к груди, и побежал к своему питомцу. Присел на корточки рядом с ним и ласково почесал за ушком. Успокаивая скорее себя, нежели его.

В мгновение ока мужчину окружили ученицы.

— А можно и нам погладить? — наперебой спрашивали одни, в то время как другие, не утруждая себя дополнительными церемониями, уже протягивали к пушистому созданию свои пальцы.

— Э, нет! Руки прочь! — без злобы вскрикнул балетмейстер. — Мсье Зефир не любит панибратства! Если он сочтет кого-нибудь из вас достойной, он сам подойдет пообщаться!

Котьяра же в подтверждение его слов поднял переднюю лапу и выпустил когти, когда белокурая ученица попыталась почесать его за ушком.

— Тише, тише, мое золото, она тебя не тронет, — попытался мсье Робер успокоить любимца, но тут же сам получил предупредительный удар лапой по руке. Ученицы снова рассмеялись.

— И да... Когда поедете к герцогу... — заговорил вдруг педагог тихим голосом, будто его могли подслушивать, — берегите себя. Помните, вы никому ничего не должны. Подчеркиваю: никому и ничего. А теперь все свободны! Мсье Зефиру пора перекусить!

Глава 17

Семь лет назад

Возвращаясь из небытия, Реми открыл глаза. Он лежал на боку в изломанной позе, приложившись виском к полу. Попытался поморгать: шахматные плитки все никак не могли обрести четкие очертания и наслаивались одна на одну. Слегка приподняв голову, юноша заметил в нескольких метрах от себя две тонкие щиколотки в шерстяных чулках на фоне дверного проема. Это пришла в оранжерею служанка — полить цветы. Значит, скоро ему помогут.

Бегая от бочки с водой то к камелиям, то к орхидеям с лейкой в руках, женщина долго не замечала лежащего между рядами растений хозяйского сына, а он был не в силах издать достаточно громкий звук, чтобы она его услышала. Потому Реми снова опустил голову на пол и просто молился, чтобы Мари как можно скорее споткнулась о него.

Когда это наконец произошло, служанка издала такой вопль, что задребезжали стеклянные панели. Она выронила уже опустевшую лейку и бросилась к юноше.

— О Мирр, да что же это такое?! Неужели опять? Господин, вы слышите меня? — запрочитала Мари, обхватив лицо Реми двумя ладонями.

— Только не говори отцу... — еле слышно прохрипел он.

— Да как же не сказать? Он же икуру с меня спустит за вас! — воскликнула женщина, а потом повернула голову в сторону выхода и закричала что есть мочи: — Мсье Филипп! Мсье Филипп! Сюда! Скорее!

Реми зажмурился. Женские вопли еще больше травмировали и без того раскалывающуюся голову.

— Потерпите немного, господин Реми, — его недовольную гримасу Мари трактовала по-своему. — Сейчас мы вынесем вас отсюда.

— Ну, чего орешь, малахольная? — пробасил Филипп, вышагивая тяжелой неспешной поступью, которая отзывалась новой болью в висках Реми. — Что там у тебя?

Работнику не нужно было приближаться вплотную, чтобы узнать о произошедшем: его высокий рост уже через несколько шагов позволил разглядеть лежащего на полу маркиза, сидящую рядом с ним взволнованную служанку и сделать выводы.

— Вот же демоновы козни! Неужто опять? — кратко выругался он и в два счета преодолел пространство. — Маркиз, как же вы здесь оказались, а?

— Я хотел цветы... взять на могилу, — почему-то начал объяснять Реми. До него не сразу дошло, что Филипп интересовался не целью его визита в оранжерею, а причиной, по которой он оказался без сознания. Снова. Хотя не должен был. Большие не должен.

Но работник тактично оставил без комментария душераздирающий порыв шестнадцатилетнего парня и обратился к Мари:

— Обхвати его вот здесь... Да не так, бестолковая!.. Вот, да! Раз, два, взяли!..

Оказавшись в своей постели, Реми провалился в нечто похожее на полудрему. Это было странное состояние, в котором он хоть и ощущал себя отрезанным от реальности, но все равно в полной мере осознавал все те ужасы, которые она в себе скрывала. Хотелось забыть. Хотелось ничего не чувствовать. Но снова и снова сон то подкидывал ему ее живой образ, то напоминал, что ее больше нет. И виной тому — он сам.

Реми не знал, сколько минут или часов он провел в ментальном аду. Из него маркиза вывел стук каблучков отцовских сапог. Он, судя по всему, только вернулся домой и сразу же был оповещен о несчастье с сыном. Герцог не шел — он летел по коридору. Дверь распахнулась. Реми открыл глаза и повернул голову к родителю — тот был бледен как полотно и тяжело дышал.

— Мне жаль, Реми! Мне правда очень жаль! — заговорил Анри де Бомон, падая на колени у постели сына. — Но мы все исправим! Все сделаем, как надо! И потом больше никто не пострадает!

Юноша минуту-другую смотрел отцу в глаза. Молча. И герцог даже решил, что сын, должно быть, еще не до конца пришел в себя. Но вдруг Реми разомкнул бледные губы. Громко и отчетливо он произнес, глядя отцу прямо в глаза:

— Пошел ты в пекло! — и отвернулся.

После утреннего экзерсиса последовал урок мимики, на котором новеньких обучали премудростям драматического мастерства. Для выполнения одного из заданий педагог разбила девушек на пары, и Полин досталась Зои — темноволосая молчунья с широко посаженными глазами. Девушки неплохо сработались, но все же между ними была некоторая неловкость.

А вот Фифи поставили с Манон — белокурой егозой, которая еще вчера донимала Полин сплетнями и трепала Инес нервы на складе реквизита, примеряя картонные шлемы древних воинов. Фифи и Манон так хорошо спелись, точнее, станцевались, что после урока рыжая схватила напарницу за руку и с веселым щебетанием потащила в рефекторий — небольшую пристройку к пансиону, где за приемлемую плату постояльцев кормили как подобает артистам балета.

Полин было обидно, что Фийон бросила ее, как только подвернулась такая возможность.

А казалось, что они будут держаться вместе, несмотря на прекратившуюся дружбу. Все-таки чужой город. Хотелось бы, чтобы рядом был кто-то свой.

А может, Фифи все никак не может забыть то веское «Нет!», которое услышала от Полин на предложение помириться?

Как бы то ни было, бывшая подруга всегда легко сходилась с новыми людьми, а с таким качеством грех не стремиться к обрастанию новыми связями. А вот Полин находить друзей было гораздо сложнее...

Ну да ладно. Она все равно планировала пропустить обед. И пусть желудок давал о себе знать недовольным урчанием, срочно требуя хотя бы краюшку хлеба с тонюсеньким, как лист бумаги, ломтиком сыра, Полин боялась возвращения тошноты. И пусть остаток дня она будет выжимать из себя последние силы, зато не осрамится на занятиях. Да и похудеть до тридцати четырех пюмов надо было. Вот же Бекю, вот же мстительная ведьма!

Девушка решила просто выйти на улицу и подышать свежим воздухом, но у служебного выхода ее перехватила мадам Дрю.

— Полин, детка, здравствуй! — улыбнулась женщина и подалась чуть вперед. — Я о тебе вспоминала утром. Думала: а где моя помощница? Не пришла сегодня, что ли? Надо же, я просто тебя не заметила! С толпой заходила?

— Да, с остальными новенькими, — подтвердила Полин, улыбаясь в ответ. Дежурная ну очень располагала к себе.

— На обед, наверное, направляешься? — предположила мадам Дрю.

— Нет, просто прогуляться... Меня сегодня почему-то мутит, — вдруг разоткровенничалась девушка и сама себя мысленно одернула: так себе решение — жаловаться постороннему человеку на свои болячки.

Но мадам Дрю тут же проявила участие:

— Ох, бедное дитя... Слушай, у меня есть травяной сбор хороший — как раз от тошноты помогает. Я заварю тебе! — и дежурная решительно встала.

— Что вы! Не надо! — подняла обе ладони Полин. Ей почему-то ну очень не хотелось напрягать женщину.

— Надо-надо! Посиди тут на моем месте немного, я сбегая в подсобку — у меня там бульотка.

Полин даже не успела возразить, как женщина умчалась. «Надо же, какая она! А со стороны кажется серьезной и отстраненной! Наверное, скулы такой эффект создают», — думала девушка, присаживаясь на жесткий стул мадам Дрю у самой стены. Он недовольно скрипнул.

Вдруг послышались чьи-то уверенные шаги. Звук приближался. «О нет, только не это! А если меня сейчас отругают, что я за столом дежурной?» — занервничала Полин, ерзя на сиденье. Она вглядывалась в конец коридора, ожидая, что сейчас покажется человек, но никто так и не появился. Хотя обладатель этой походки уже должен был быть здесь — шаги звучали подле Полин!

«О Мирр, это призрак?» — перепуганная девушка вскочила и начала судорожно осматриваться. Никого! Вдруг она услышала еще и цоканье дамских каблуков — к ней приближалась еще и женщина. Вот шаги все ближе и ближе! Но снова никого!

«Великий Мирр, раскрой надо мной свои могучие крылья, убереги меня от гласа демона...» — зашептала Полин, сложив руки в молитве.

— О, вы, как всегда, прекрасны! — будто в насмешку раздался мужской голос. Совсем рядом!

— А, вы, как всегда, щедры на комплименты! — ему вторил женский.

«Точно призраки!» — хваталась за голову побледневшая как жасминов цвет танцовщица.

Наконец-то показалась мадам Дрю с небольшой чашкой в руках. Увидев напуганную вусмерть девчонку, она удивленно подняла брови. Но мгновением позже чувство понимания озарило ее лицо.

— Что, впервые столкнулась с галереей шепота? — и женщина улыбнулась. Будто не происходило ничего странного. А что призраки разговаривают прямо здесь — так это в порядке вещей!

— С чем? — переспросила Полин.

— Галереей шепота. — повторила мадам Дрю. — В Королевском Балете особые стены — они изогнутые. Из-за их формы звук не рассеивается в пространстве, а цепляется за поверхность и скользит вдоль нее, практически не теряя своей силы. У архитектора была сильнейшая Искра. Ученица еще секунду-другую хлопала глазами, пока до нее не начал доходить смысл сказанного.

— Подождите... То есть разговор, который я слышала прямо здесь, состоялся в другой части здания?

— Совершенно верно! — подтвердила сотрудница.

— Ух ты! Да они же были будто прямо здесь!.. Никогда бы не подумала, что такое возможно... — честно призналась Полин, выдыхая с облегчением. Правильно говорила Лиана — призраков не существует! Призадумавшись, девушка добавила: — Выходит, в театре лучше не болтать лишнего.

— Точно не стоит, — засмеялась мадам Дрю. — Особенно в некоторых его точках. Вот твой чай, милая. Осторожно, горячий!

Глава 18

Травяной отвар дежурной действительно пошел Полин на пользу — она даже ощутила бодрость в теле. Потому следующее занятие, урок ансамбля, девушка смогла пережить не только на чистой силе воли.

Строгая возрастная мадам, чье имя Полин к своему стыду не запомнила, учила новеньких синхронности и дисциплине строя. Девушка чувствовала себя частью огромного, но бездушного механизма. Педагог не смотрела им в лица и не интересовалась их именами — она оценивала линию плеч или приподнятых в ретире бедер. Одно лишнее движение — и композиция была испорчена.

В такие моменты мадам недовольно поджимала губы, а Фифи, стоявшая рядом, начинала суетиться, из-за чего провальных попыток станцевать нога в ногу с остальными у нее было все больше и больше. Впрочем, Полин и сама не единожды за урок становилась той, кто рушил геометрию, и ее это расстраивало. Но не слишком: девушка прекрасно осознавала, что воспитательная синхронность артистов кордебалета — это дело многочасовых тренировок, а они здесь только начали разучивать предлагаемую последовательность движений.

То был «Танец тающих Снежинок» из балета «Ледяная Леди». Он был особенно популярен у публики в зимние праздники Мирра Творения. Несмотря на культовый статус произведения, в школе мадам Бекю его обходили стороной из-за обилия сложных мужских партий, которые некому было исполнять.

Когда два часа экзекуции осталось позади, выяснилось, что в этом же самом зале девушек ждет заключительное на сегодня занятие — урок управления Искрой. Провести его прибыла совсем молоденькая мадемуазель Плюк — невысокая девушка с жиденькой косичкой-колоском и невзрачным лицом серой мышки, которое мгновенно превращалось в лучезарный лик феи, стоило ей только улыбнуться.

— Кому доводилось учиться управлять Искрой, поднимите руки, — попросила она, встав напротив учениц и сложив перед собой ладони так, будто она собралась изображать зайца из этой самой истории «Ледяная Леди».

Девушки начали недоуменно глазеть по сторонам, чтобы встретить такой же озадаченный взгляд соседки по строю и выдохнуть, выяснив, что об этом предмете она тоже слышит впервые.

— Что ж, я так и думала, — ничуть не расстроилась педагог. — Тогда для начала — немного теории. Насколько мне известно, вы все — обладательницы Искры, потенциала которой недостаточно для сложных материализаций и даже иллюзий... Или я осведомлена неверно, и тут у нас есть сильные Искры?

Ученицы замотали головами из стороны в сторону. Пожалуй, именно такой синхронности и пыталась добиться предыдущая наставница.

— Ага, значит, все верно, — подытожила мадемуазель Плюк. — Вы у нас — слабоискрящиеся. В Королевском-то Балете... Непорядок...

И она поцокала языком. А потом вдруг широко улыбнулась и продолжила:

— «Непорядок». Так скажет тот, кто не знает, что и со слабой Искрой можно творить магию, которая будет заметна не только носителю, но и зрителям! Да еще какую! Главное... Что — главное? Кто знает?

— Верить в себя? — пропищала Манон, новая подруга Фифи.

— Это, конечно, не повредит, но при слабой Искре не поможет создавать визуальные образы. Какие еще версии? Что — главное?

— Практиковаться и развиваться? Усилить свою Искру? — предположила другая ученица по имени Софи.

— Хм, но ведь вы уже должны были знать со школьных времен, что слабую Искру раздуть невозможно. За о-о-очень редким исключением... Так, еще варианты?

— Каким исключением? — вдруг спросила Фифи. Голос ее прозвучал требовательно. Мадемуазель Плюк посмотрела на нее и грустно вздохнула:

— Ох, я понимаю, что каждой из вас хотелось бы быть тем самым исключением... Но я бы сильно не обнадеживалась. Я говорю о так называемой Спящей Искре. Это когда у творческого человека она от рождения сильная, но может почти не проявляться годами. И нужен некий катализатор, чтобы Искра проснулась.

— А вдруг у меня такая Искра? — поинтересовалась Манон, поддержав вопрос новой приятельницы.

— Я была бы очень рада, окажись оно так, — улыбнулась ей педагог. — Но в истории Королевского Балета таких случаев не было. Да и вообще, есть версия, что Спящая Искра — это просто красивый миф, придуманный теми, у кого дар слабый. Чтобы не чувствовать себя обделенными Мирром на фоне сильных Искр.

— Что ж, чувствуем себя ущербными дальше, девочки, — пошутила Фифи, оглядевшись по сторонам.

— А вот этого не надо! — мадемуазель Плюк погрозила пальчиком. — У меня, например, тоже слабая Искра, но я ни за что не назову себя ущербной! И все же: что — самое главное для слабоискрящихся, чтобы создавать сказку для зрителя?

— Действовать сообща! — вдруг произнесла смуглая Джин.

— Да! — вскрикнула педагог, указывая пальцем на девушку. — Верно! Если объединить слабые Искры, задав им одно направление, получится сильная Искра! Этой технике не учат в рядовых балетных школах, да и не в каждом театре ею владеют. Уж больно сложна она. Но в Королевском Балете все по высшему разряду!

— И как же нам объединить Искры? — поинтересовалась та же Джин.

— Будем разбираться... Вы думаете, урок управления Искрой просто так поставили после урока ансамбля? Ан нет, — и учительница щелкнула языком. — По сути, мы сейчас будем прорабатывать все ту же синхронизацию. Но уже не движений, а мысленной энергии. Только что вы разучивали «Танец тающих Снежинок» из «Ледяной Леди», так? Кто мне расскажет, о чем вообще этот балет? Кратенько... Ну же, смелее!

Полин нерешительно подняла ладонь, и педагог ободряюще кивнула, мол, говори-говори, мы слушаем.

Девушка начала:

— Наследник южного королевства принц Эрик заявляет, что женится или на самой красивой женщине на свете, или останется один. И отовсюду прибывают юные девы одна другой краше и танцуют для Эрика. При виде некоторых из них его сердце начинает биться чаще. Но все же принц заявляет, что он так и не встретил идеальной красавицы. И предполагает, что таковой не существует вовсе...

— Но, как мы знаем, он ошибся! — добавила свой комментарий Плюк. — Молодец, продолжай!

— Как только Эрик произносит фразу, что не бывает совершенных красавиц, темнеет небо, поднимается метель. Это пришла Ледяная Леди — принять вызов. Она прекрасна как мерцающий кристалл, а ее танец бесподобен. Ледяная Леди так очаровывает Эрика, что он уже готов бросить свое королевство к ее ногам. Но как только музыка затихает, холодная волшебница исчезает, и принц отправляется ее искать.

— Так, верно, — снова встряла учительница. — Опустим часть, в которой Эрик преодолевает разные препятствия на пути к своей зазнобе. Что происходит, когда он ее находит?

— Принц предлагает ей руку и сердце, но Ледяная Леди только смеется: ее-то сердце давно замерзло. Она заявляет, что выйдет за него, только если он сумеет отогреть ее поддан-

ных и заставит зиму уйти прочь, а если нет — то она превратит его в ледяную статую. Эрик приводит с собой музыкантов, пытается зажечь огни, но в ледяном чертоге все гаснет. Холод поглощает звуки и свет. Принц в отчаянии... Одним легким взмахом руки Леди покрывает его слоем льда, делая из него очередную фигуру для своей коллекции. И тогда на помощь приходят Снежинки.

— Вот мы и добрались до нашего «Танца тающих Снежинок!» — и мадемуазель Плюк начала демонстративно потирать руки. — Кто такие Снежинки?

— Снежинки — это потерянные души девушек. Когда-то они тоже искали любовь и замерзли. Когда они видят истинное отчаяние Принца, то приходят на помощь. Снежинки исполняют свой величественный, но печальный танец, превращаясь в воду, которая уничтожает замок Леди, ее трон, ее ледяных стражей. И, конечно же, корку льда, что сковала принца. Как только это происходит, Эрик настигает строптивую красавицу, заключает в объятия и дарит поцелуй. Сердце Леди оттаивает, и она тоже проникается любовью к принцу. Конец!

И рассказчица кротко улыбнулась.

— Замечательно! Мадемуазель?.. Ага, приятно познакомиться. Спасибо, мадемуазель Шеро! Теперь закройте все глаза и внимательно слушайте!

Плюк убедилась, что все исполнили ее просьбу, а затем прочистила горло и продолжила тихим убаюкивающим тоном:

— Ты — Снежинка в свите Ледяной Леди. Ты уже не помнишь своей человеческой жизни, но все еще чувствуешь боль от того, что тебя предал твой избранник. Но при этом у тебя осталась острая потребность отдать свою нерастрченную любовь. Но рядом нет никого, кого бы ты могла одарить. Вокруг — лишь бесконечные белые просторы. Прекрасные, но безжизненные...

Голос наставницы уносил Полин в край снегов, которые на солнце мерцали так, словно были перемешаны с битым стеклом. Она почувствовала, что летит над этой гладью и выбирает местечко для себя. Едва ли приземление будет приятным — оно будет холодным и колючим. Но иного не дано...

— А теперь представь, что вдруг появляется прекрасный юноша... Он никогда не будет твоим, — продолжала Плюк, и сейчас ее голос звучал так, будто доносился из-под толщи воды. — Но его готовность пожертвовать собой ради женщины так трогает твое сердце, что ты... просто таешь. От нежности и сострадания. Поймай это чувство...

Снежные просторы исчезли. Под веками Полин появился образ молодого мужчины со светлыми волосами. Взгляд его был острым настолько, что о него можно было порезаться. Это он — тот, кто растоптал ее душу. Тот, из-за кого она замерзла и стала подданной Ледяной Леди в ее безупречном хрустальном королевстве. А вот — принц, который пришел рискнуть жизнью ради любви. И у него тоже белые волосы... Только взгляд чуть испуганный. Но решительный. Его сердце настолько горячее, что становится тепло.

— Попробуйте сохранить это ощущение... Открывайте глазки и занимайте исходную позицию, — прошептала педагог, после чего обратилась к аккомпаниатору. — Мадам Юппер, приступайте, пожалуйста...

Полилась торжественная и в то же время трагичная мелодия. И хотя юные балерины воспроизводили комбинации, которые еще часом ранее давались им с большим трудом, после общения с мадемуазель Плюк в их движениях появилась осознанность и даже возвышенность.

Приседая и поднимаясь на пальцы, кружась и замирая, Полин чувствовала себя крошечной частицей белого вихря, который подчинялся неведомым ей законам. Он мчался, искрился и... пел. И когда наступила кульминационная часть мелодии, на Полин посыпался снег. Такой крупный, будто это было белоснежное конфетти! Снежинки касались разгоряченного тела и немедленно таяли. В голове девушки промелькнул вопрос: хлопья видит и ощущает только она, как подобает слабоискрящимся, или же девушки смогли объединить свои Искры и совмест-

ными усилиями создать осязаемую иллюзию? Но она не стала пускаться в мысленные рассуждения: это подождет. А вот история Ледяной Леди — нет. Нужно было прожить ее до конца. Прочувствовать... Вот он, прекрасный принц, у ног которого не грех растечься талой водой. У него большое сердце и жемчужные волосы... Стоп, что? Какие еще жемчужные волосы? Она представляет отвратного Реми де Бомона в образе героя? Фу, какая мерзость! Нет!

Полин будто очнулась от наваждения. Никакого снега больше не падало. Никакого волшебного вихря тоже не ощущалось. Лишь горстка вспотевших уставших девиц, в числе которых была она сама, плясали с так себе успехом, топая по паркету как стадо слонов. Только вот мадемуазель Плюк почему-то вытаращила в удивлении глазищи.

Когда мадам Юппер закончила играть, а танцовщицы приняли статичные позы, педагог заговорила:

— Девочки, у меня просто нет слов... В моей практике еще ни у одной группы не получались на первом занятии такие иллюзии. Снегопад был просто чудесен! Поздравляю!

И она принялась громко хлопать в ладоши, сжав губы, пытаясь сдержать слезы радости.

Глава 19

Насыщенная изнуряющей подготовкой к смотру, рабочая неделя ползла как слизень по листу салата. Шел вечер четвертого дня. Пережив утомительный урок управления Искрой, Полин со всех ног неслась в ректорий, чтобы скорее утихомирить урчащий желудок: стремясь сбросить вес, девушка отказалась от завтрака — приема пищи, с отсутствием которого ей было легче всего смириться. Порой она пропускала и обед, предпочитая вместо него выпить чаю у мадам Дрю в дни ее дежурств. Но вот ужина балерина каждый день ждала как спасения.

Настроение после занятия мадемуазель Плюк было неважным. Почему-то их группе так и не удалось повторить успех первого урока, на котором девушки смогли своими Искрами показать мощный снегопад. В последующие разы разве что десяток-другой снежинок парили над головами новеньких во время танца. Педагог в замешательстве терла подбородок, снова и снова пыталась направить мысленную энергию подопечных в нужное русло, но тщетно.

«Не расстраивайтесь, в начале пути всегда сложно. Видимо, на первом уроке вы сработались стихийно», — успокаивала Плюк то ли их, то ли себя.

Полин пыталась себя настраивать на волну Снежинки из свиты Ледяной Леди, но все равно на фоне крутились мысли то об анонимном письме, то о предстоящем приеме у герцога, то... о тушеном мясе с морковкой и перцем. Или ароматном луковом супе с шапочкой из расплавленного сыра. Или восхитительной слоеной выпечке с миндалем, которая красовалась на витрине семейной пекарни недалеко от пансиона. Проще говоря, желание поесть затмевало все.

В ректории никаких изысков не подавали, но даже пресная похлебка с капустой и курятиной показалась Полин настоящей наградой за прожитый день. Неспешно зачерпывая варево ложкой, чтобы растянуть удовольствие от трапезы, она и не заметила, как к ее столу в самом углу помещения приблизился Луи.

— Можно? — осведомился он и, не дожидаясь разрешения, разместился с подносом напротив.

— Можно... — пробормотала девушка, подняв глаза. Взгляд ненароком сместился за плечо парня: недалеко сидели Фифи и Манон. Сейчас они во все глаза таращились, хотя еще мгновением ранее игнорировали существование Полин.

— Скудно зато питаешься... — указал Луи подбородком на миску новой знакомой. У него на подносе помимо похлебки были еще омлет, бриошь и чай.

— Нужно форму держать, сам знаешь же... — ответила Полин. Почему-то в присутствии парня было крайне неловко есть.

— Форму-то держать надо, но при этом желательнее не свалиться замертво от недоедания. А ты, я посмотрю, не так уж и часто оказываешь милость ректории, — пристально глядя на собеседницу, заметил Луи.

Девушка скорее бы поцеловала ужа, нежели рассказала молодому человеку о позорном взвешивании и установке на снижение веса, потому истерично рывкнула:

— Это мое личное дело — сколько есть!

Парень на секунду опешил, а потом примирительно поднял обе ладони вверх, мол, сдаюсь:

— Да ладно тебе, не заводись! Я же люблю!

Полин тут же залилась румянцем от этого «любя», что, конечно же, не ускользнуло от внимания Луи. Но, к чести парня, он не стал дальше стеснять девушку другими заявлениями подобного рода и перевел беседу в нейтральное русло.

— Как успехи на занятиях? — спросил он.

— Так себе, если честно, — охотно призналась Полин. — Что-то вообще туго с объединением Искр на уроках мадам Плюк.

Глаза молодого мужчины зажглись интересом.

— Плюк? Случайно не Валери?

Полин кивнула.

— Вам преподает Валери Плюк объединение Искр? Вот это номер! — почему-то разве-
селся он.

— Что-то не так? — стушевалась собеседница.

— Нет-нет, все нормально! Просто я некогда учился с ней в балетной школе. С ней и
Марго Бонье. Вторая была на год старше, — поведал Луи.

— У вас парни и девушки учились вместе?! — с неподдельным изумлением воскликнула
Полин. Ее собеседник с усмешкой отметил про себя, что этот факт удивил девушку больше,
нежели его тесное знакомство с ее педагогом.

— Да. Дело было в столичной школе. В Валанже совместное обучение уже давно никого
не удивляет. — пояснил юноша.

«Деревенщина», — вдруг прозвучало в голове Полин голосом Реми де Бомона. Она сту-
шевалась и уткнулась взглядом в миску.

Луи заметил, что девушку что-то задело, но не понял что. Потому решил развить разго-
вор дальше:

— Мы с Марго — обладатели сильной Искры, а Валери — слабой. Она была просто
помешана на идее усиления. Все носилась с какими-то древними фолиантами. Читала много
о Спящих Искрах. Думала, что она — одна из тех, чей дар еще включится, — поведал парень,
пристально наблюдая за девушкой. Как только она подняла взгляд, Луи продолжил: — Плюк
мечтала о Королевском Балете. Но ее не взяли. И вот теперь я слышу от тебя, что в театр она
все-таки пробралась. Не на сцену, но все же...

— На занятии мне показалось, что она просто без ума от идеи объединения Искр. С
таким жаром рассказывала об этом, — поделилась Полин наблюдениями.

— Да, забавно, что чудачка переключилась на эту технику, — усмехнулся Луи. — В свое
время она чего только не пробовала, лишь бы пробраться в высшую лигу. Одно время даже
бегала хвостиком за Марго — думала, что если лучше изучит работу ее Искры, то сможет
усилить свою. Но нет...

— Ничего плохого не вижу в том, что человек что-то делал ради своей цели. Да, может
быть, тщетно, но в итоге она же нашла себя. — Полин захотелось заступиться за мадемуазель
Плюк, поскольку тон мужчины ей показался пренебрежительным. — Да и не всем же быть в
высшей лиге... Спасибо за компанию. Я пойду.

Девушка положила ложку на поднос и собралась было встать, но Луи тут же схватил ее
за запястье:

— Подожди... — он поймал взгляд Полин. — Я хочу, чтобы ты знала: я вовсе не считаю
слабоискрящихся кем-то... ниже.

Девушка не стала отвечать, а лишь настойчиво высвободила руку из мужского захвата.
Уходя, она заметила, что Фифи и Манон смотрят на нее разинув рты.

— А у тебя губа не дура! — выдала Фифи, заваливаясь в комнату. Полин недолго про-
была в одиночестве: только и успела, что переодеться в домашнее платье и достать писчие
принадлежности, чтобы черкнуть пару строк родителям.

— Ты о чем? — спросила девушка, подняв глаза на соседку.

— Ни о чем, а о ком! — Фийон подошла к кровати, плюхнулась на нее и принялась лениво
трясти ногами в тщетных попытках скинуть туфли без помощи рук. — О премьере-сюже,
конечно же!

— О каком еще премьере? — сморщила лоб Полин.

— А о том самом, с которым ты сегодня мило ворковала в рефектории! — ехидно про-
пела бывшая подруга.

— Луи? Не знала, что он премьер-сюже, — честно призналась девушка.

— Да ладно тебе! — скептически улыбнулась Фифи. — Недельку живем с ним на одном этаже, а ты не знала!

— Думай, что хочешь... — махнула рукой Полин и вернулась к письму. А потом вдруг подняла голову, словно ее осенило: — А почему тогда он живет в пансионе? Звездам же арендуют апартаменты.

— Манон сказала, что это личное решение Луи. — соседка наконец совладала с туфлей, и та с глухим стуком отлетела в угол. — В отдельной квартире ему слишком одиноко, а здесь — жизнь кипит. Хотя, может, просто рисуется. Весь такой из себя «ближе к народу», а сам живет в лучшей комнате в одиночку и думает, как бы очередную деревенскую дурочку к себе заманить.

— Я смотрю, ты многое успела прознать, — сухо произнесла Полин. — Может, ты еще скажешь, почему...

Договорить она не успела, в дверь энергично постучали.

— Войдите! — крикнули обе сразу.

На пороге нарисовался вспотевший комендант пансиона.

— Напомните, кто из вас Фифи Фийон, — попросил он хриплым голосом, чуть отдышавшись.

— Я... — испуганно произнесла рыжая, приподняв руку.

— Спустись к выходу. Там это, посыльный к тебе, — объяснил мужчина и, не дождавшись ответной реакции, хлопнул дверью.

Фифи бросила на соседку вопросительный взгляд и поскакала на одной ноге к валяющейся в углу туфле. Обувшись, она стремительно убежала. Полин пожала плечами и сосредоточилась на письме родным...

Довольно скоро в дверь снова постучали. «Проходной двор какой-то», — подумала девушка, но вслух сказала:

— Войдите!

— Это я! — раздался за дверью голос Фийон. — Открой мне, пожалуйста, руки заняты!

Недовольно цокнув языком, Полин встала и поплелась впускать рыжую. Фийон не соврала — в руках она держала продолговатую коробку, перевязанную бантом. Вид у соседки был растерянный.

— О Мирр, что это? — Полин не скрывала удивления.

— Я не знаю... — сообщила побледневшая Фифи. — А если это от того человека, который тебе записку прислал?

— Давай тогда откроем и посмотрим, — предложила Полин.

— Я боюсь... — прошептала рыжая. — А вдруг тут что-то опасное?

— Ну, тогда стоит вынести коробку из помещения и выбросить ее, — ответила ей соседка.

— Но мы же тогда не узнаем, что внутри, — сделала логичный вывод Фифи.

Полин закатила глаза.

— Определись ты уже наконец! — не сдержала раздражения она.

Фийон осторожно поставила коробку на стол и потянула за конец атласной ленты. Она охотно поддалась, и бант развязался. Рыжая взялась за крышку, помедлила немного, а потом резко дернула ее вверх, будто отрывала от раны бинт, и отскочила на шаг. Девушки осторожно заглянули внутрь.

Осенние сумерки за окном пансиона были серыми и липкими, но в коробке, которую распаковала Фифи, затаилось лето. Она была заполнена тяжелым изумрудным бархатом, поверх которого лежала записка.

Фифи схватила ее и прочла:

— «Дорогая мадемуазель Фийон! Примите этот скромный дар как аванс за ваше будущее сияние. В поместье Синие тени" соберутся те, кто решает судьбы. Наденьте завтра это платье — и я обещаю, что они склонятся к вашим ногам. С наилучшими пожеланиями, герцог Анри де Бомон».

— Что ж, понятно... — протянула Полин и отошла от соседки. Вернулась за свое письмо. В памяти снова прозвучали слова Лианы о тайном визите Фифи к карете, ей вторил голос Бекю о замене Розетты. А вот теперь еще и подарок... Что же произошло между герцогом и бывшей подругой?

— Завидуешь? — едко спросила заметно повеселевшая Фифи. Она приложила платье к себе, и рыжее золото ее волос вспыхнуло рядом с глубокой зеленью, как последний кленовый лист на фоне хвойного леса.

— Ага... — пробормотала Полин, не отрывая глаз от листа бумаги. — Особенно твоей беспринципности.

— Ой, а ты у нас сама добродетель! — посмотрела на нее Фифи через старое зеркало. — Если маркиз с тобой поигрался, а теперь знать не знает, это не повод корчить из себя высокоморальную служительницу Мирра!

Полин промолчала, сделав вид, что письмо интересует ее гораздо больше, чем уколы бывшей подруги. Но в очередной раз записала одну и ту же строчку на листе бумаге, который точно никуда не отправит: «Заберите меня отсюда...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.